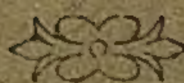
И. А. Стратонов.

К ВОПРОСУ

о составе и происхождении краткой редакции

Русской Правды.

КАЗАНЬ.
1-я Государственная Типография
1920.

И. А. Стратонов.

К ВОПРОСУ

о составе и происхождении краткой редакции

Русской Правды.

КАЗАНЬ.
1-я Государственная Типография
1920.

Светлой памяти дорогого учителя, проф. Михаила Михаиловича Хвостова († 11 февраля 1920 года).

Настоящая статья была написана еще в 1916 году. Тогда же в обсуждении затронутых здесь вопросов принял участие М. М. Хвостов. Прошло более полуторых лет с тех пор, как прекратилось наше общение с Михаилом Михаиловичем. Надежда снова увидеть его никогда не покидала и пишущего эти строки. Но в тот момент, когда надежда казалась наиболее близкой и осуществимой, пресеклась его жизнь: 11 февраля в г. Томске скончался М. М. Хвостов. Памяти почившего дорогого учителя, которому автор так многим обязан, он и посвящает настоящие заметки.

И. Стратонов.

Русская Правда дошла до нас в двух основных редакциях: краткой и пространной. Не касаясь пространной редакции, остановимся на вопросе о составе и происхождении краткой. Краткая редакция дошла в Новгородской I летописи младшего извода, в списках ее: Академическом, Археографическом и Толстовском.

Все эти списки относятся ко времени пятнадцатого столетия и позднее. В общем состав нашего памятника в этих списках одинаков, за некоторыми, правда, весьма немногочисленными исключениями. Однако прежде, чем перейти к непосредственному ознакомлению с памятником, необходимо, хотя бы в общих чертах, отметить, как стоит вопрос о происхождении краткой редакции Русской Правды в нашей ученой литературе. До последняго времени в историографии существовало два взгляда на этот вопрос.

Один сводился к тому, что краткую редакцию считали законодательным памятником, составленным Ярославом I, на что есть указание в самом летописном тексте, где читается: „и дав им правду, и устав списав, тако рекши: по сей грамоте ходите...“ [1]) далее следует текст Правды краткой редакции. Другой взгляд на этот памятник приписывал составление его частному лицу, которое составило его для своих частных нужд. В доказательство этой мысли приводились следующия соображения: 1. Кроме правовых норм в памятнике встречаются чисто повествовательные заметки. 2. Самый текст правды говорит не только о законодательной деятельности Ярослава, но и его сыновей. 3. По некоторым вопросам предложено два разных решения [2]).

Одним словом памятник ясно обнаруживает, что целиком он не мог принадлежать Ярославу. Не лишнее здесь упомянуть и о том, что В. О. Ключевский [3]) приписывал появление этого памятника сфере церковного суда, приводя в доказательство своей мысли то соображение, что наш памятник совершенно игнорирует „поле“, как форму судебных доказательств. За последнее время Русская

Правда, краткая ея редакция, стала об'ектом усиленного научного интереса. При этом изучению ея посвятили свои труды не только русские ученые, но и иностранные. Новое течение в изучении нашего памятника начато покойным профессором Петроградского университета В. И. Сергеевичем, нашедшим продолжателей в лице проф. Гетца и проф. Максимейко [4]). Основная задача новых исследований заключается в том, чтобы в составе одного памятника (краткой редакции Русской Правды) наметить основные его части.

Проф. Сергеевич выпустил свое издания текста краткой редакции, разделив ее на две части: древнейшую и более позднюю (или правду Ярославичей). [5]) В общем указания на сложный состав нашего памятника существовали и раньше, да они-так естественны даже при беглом знакомстве с текстом краткой редакции. Заслуга проф. Сергеевича состоит в том, что этот вопрос им был поставлен настолько определенно, что никаких сомнений в этом более быть не могло.

Из этого мнения исходили в своих изысканиях: г.г. Гетц и Максимейко. [6]) В дальнейших построениях однако они разошлись. Первый разделяет происхождение этих частей на два отдаленные хронологические момента, считая первую часть составленной значительно ранее Владимира Святого, а так называемую правду Ярославичей усвояет законодательной деятельности этого князя и его сына, Ярослава Мудрого. Другой же приписывает происхождение их двум разным культурным центрам: Новгороду и Киеву, при чем полагает, что возникновение их не могло быть разделено значительным промежутком времени и даже считает автором обеих частей одно и тоже лицо.

В таком виде в настоящее время стоит вопрос о времени появления интересующего нас памятника.

Прежде чем приступить к изложению своей точки зрения, я хочу высказать одно методологическое соображение, из которого буду исходить в своих дальнейших рассуждениях.

Решение вопроса о происхождении нашего памятника, как таковового, вне связи с летописью, по моему мнению, невозможно. То обстоятельство, что наш памятник дошел до нас только в летописи, обязывает нас поставить изучение его в связи с тем, что мы знаем о ходе летописания, и прежде всего решить вопрос, когда и при каких обстоятельствах краткая редакция стала составною частью нашего летописного свода. В настоящее время это тем более необходимо, что благодаря трудам ак. А. А. Шахматова мы знаем очень много поучительного о ходе нашего древнейшего летописания. [7]) Мысль об изучении части целого совместно с судьбами этого целого так естественна, что, по нашему мнению, не нуждается в особой защите.

Оставляя пока в стороне вопрос о связи краткой редакции Русской Правды с летописью, обратимся к нашему памятнику и посмотрим, что он из себя представляет, и каковы его составные части. Ближайшее знакомство с памятником убеждает в том, что в нем не две части, а три или четыре.

Первая часть, как было указано еще проф. Сергеевичем, а еще раньше Шлецером, представляет древнейшую „Правду“; вторая часть—„Правду“ более позднюю или Ярославичей; третья часть—„Покон вирный“ или „урок Ярославль“; четвертая—устав „о мостех“. Не настаивая на том, что последний устав представляет из себя самостоятельную часть по своему происхождению, мы склонны считать такое предположение вполне вероятным. Во всяком случае для хода последующих наших соображений это не имеет большого значения.

I

Обращаясь к изучению первой части нашего памятника, мы прежде всего должны указать на то, что из себя представляла Ярославова грамота, данная новгородцам в 1016 году, а затем уже остановиться на вопросе о том, можно ли эту грамоту искать в составе первых 17 статей, так называемой, краткой редакции Русской Правды.

И. Д. Беляев в своих „Рассказах по русской истории“ говорит: „Ярослав, хорошо понимавший значение Новгорода, и благодарный Новгородцам за пособия, которые они ему оказывали во время упорных войн с Святополком, утвердившись окончательно в Киеве, вступил с Новгородом в новые условия, которыми точнее определялись отношения Новгорода к князьям и Новгородцы освобождались от многих прежних обязательств и, между прочим, от платежа в Киев 2000 гривен дани; для определения сих новых отношений между Ярославом и Новгородцами были составлены особые грамоты, известные под именем „Ярославлих грамот“, на которыя Новгородцы впоследствие постоянно ссылались в своих сношениях с русскими князьями и требовали, чтобы князья управляли Новгородом согласно с Ярославовыми грамотами“ [8]). Итак, с точки зрения И. Д. Беляева, грамоты Ярославовы определяли отношение Новгорода к великому князю. Одна из этих грамот (1036 г.) определяла отношения финансовыя, а другая (1016) отношения чисто государственныя. Если вторая, по времени, впоследствии стала основой финансовых отношений Новгорода к русским князьям, то первая сделалась основой политической свободы Новгорода Великого.

Отсюда является естественным тот вывод, который мы встречаем на следующей станице того же труда: „Все сии действия показывают, что Новгород при Ярославе был отдельным и самостоятельным государством, союзным Ярославу и даже признававшим его власть в известных пределах, но отнюдь не составлял одного целого с прочей русскою землею“.[9])

Этот своеобразный государственный строй Новгорода и получил выражение в одной из Ярославовых грамот. Такая точка зрения на Ярославовы грамоты стала весьма распространенной в нашей историографии. Однако другие исследователи взаимоотношений Новгорода и великих князей Киевских держались несколько иной точки зрения. Подробно на вопросе об ограничении власти князя останавливается С. М. Соловьев в известной своей работе „Об отношении Новгорода к великим князьям.“ [10]) Анализируя позднейшие договорные грамоты Новгорода с великими князьями, С. М. Соловьев приходит к тому выводу, что в грамотах Ярослава определялись лишь финансовыя отношения Новгорода к великому князю. Политическия отношения в начале XI ст. не могли быть определены какими либо грамотами, так как тогда не существовало реальных условий, в которых выражались бы политические вольности, существовавшие в более позднее время. Главнейшим правом новгородцев в отиошении судебном было ограничение княжеской юрисдикции Новгородским посадником, избираемым вечем. Во времена Ярослава посадничество находилось в руках лица, поставленного князем. Следовательно, не могло быть и речи об ограничении княжеской юрисдикции. Совершенно также отпадают ограничения княжеской власти в области назначения местных управителей, раздачи льготных грамот, права смены должностных лиц „без вины“, а также и права пересуда уже „данных грамот“. Одним словом все основы политической свободы Новгорода не могли существовать до тех пор, пока в Новгороде не существовало своих собственных посадников. Исходя из таких соображений, С. М. Соловьев полагает, что „грамоты Ярославовы“ касались только финансовых постановлений. Иную точку зрения высказал Н. И. Костомаров: „Находя, что в конце XI в. новгородцы уже смело проявляли сознание права избирать князей, говорит названный ученый, изгонять их и составлять самоуправное тело, не видим поводов думать, чтобы и ранее этого времени то же сознание не существовало в такой же силе. Возвращенная Ярославом, посредством грамоты, Новгороду независимость не была подавлена с тех пор“. [11]) Итак с точки зрения Костомарова жалованными грамотами Ярослава возвращалось Новгороду право избрания князей. Могло ли существовать подобное право у новгородцев при Ярославе? На этот вопрос приходится ответить отрицательно, так как такой возможности до смерти Ярослава не

могло быть: Ярослав управлял один всей русской землей; он сажал в Новгороде сам своих посадников. Таковыми были, как его собственные сыновья, так и представитель старшей половины княжеской дружины: Константин Добрынич. При ближайших преемниках мы встречаем тоже самое положение. Новгородские управители сменяются вместе с переменой на Киевском столе. Преемник Ярослава на великом княжении, Изяслав, ставит посадником в Новгороде Остромира, а затем своего сына Мстислава.[12]) После изгнания Изяслава и вокняжения в Киеве Святослава, в Новгороде видим сына его Глеба. Возващение на Киевский стол Изяслава было связано для новгородцев с новой переменой князя. Во время великого княжения Всеволода Ярославича, в Новгороде видим уже внука последняго: Мстислава Владимировича. В 1095 году в. к. Святополк выводит Мстислава из Новгорода и сажает Давида Святославича. Последний, видя к себе нерасположение граждан, добровольно покинул Новгород, а в Новгороде снова утвердился Мстислав. Наконец, в 1102 г. мы снова видим готовящуюся смену: между Святополком и Владимиром был заключен ряд, в силу которого Новгород достался в удел Святополку. Это было связано с переменой князей в Новгороде: любимый новгородцами Мстислав должен был оставить Новгород. Только теперь новгородцы вмешались в смену князей и заявили решительный протест против сведения Мстислава, говоря: „Не хочем Святополка, ни сына его: аще ли две главе имееть сын твой, то пошли; а сего ны дал Всеволод, а вскормили есмы собе князь, а ты еси шел от нас“ [13]). Итак на протяжении полстолетия после смерти Ярослава мы наблюдаем тот же самый порядок, который встречали и при Ярославе: киевские князья сажают в Новгороде своих представителей по своему усмотрению. Последний, приведенный нами случай еще лучше подтверждает ту мысль, что в Ярославовой грамоте не могло быть речи о праве свободного выбора новгородцами себе князя. Протест свой новгородцы мотивируют не Ярославовой грамотой, а волей великого князя, Всеволода, и тем, что „вскормили есмы собе князя“. Отсюда ясно, что Ярославова грамота не содержала такого права. В противном случае ссылка на эту грамоту была бы так естественна, и в глазах князей, конечно, более убедительна, чем те аргументы, которые приводили новгородцы Святополку. Итак выборных посадников в Новгороде в то время не существовало. Это последнее обстоятельство лишало все новгородские свободы их основы. Право же выбора князей в XI ст. было чуждо Новгороду. Прежде чем покончить с этим вопросом, нужно указать, что впоследствии новгородцы любили ссылаться на Ярославовы грамоты, как основу своей политической свободы, но это были лишь политические аргументы, или, вернее, политические притязания, основой которых были

придуманные факты, чуждые времени Ярослава. В целях борьбы за свою вольность, новгородцы в более позднее время вкладывали в Ярославовы грамоты то содержание, какого оне не имели, но которое было желательно для новгородцев в XIII—XIV вв.

Теперь обратимся к летописному тексту. В Новгородской I летописи младшего извода мы встречаем указание о даровании Ярославом грамоты новгородцам под 1016 г.

Однако это сообщение нашей летописи весьма рано в историографии было заподозрено, а в последующее время как то исключалос из числа тех данных, которые до известной степени могли бы дать указиние на происхождение нашего памятника. Барон Розенкампф в известном своем труде: „Обозрение кормчей книги", вышедшем в 1829 г., высказался против достоверности этого сообщения в виду того, что в древнейших списках летописи (Лаврентьевском, Ипатьевском и др.) этого сообщения нет. [14]) Кроме того ему казалось невероятным предположение о том, чтобы Русская Правда могла быть Ярославовой грамотой. Оставляя в стороне последнее соображение, мы должны сказать, что отсутствие соответствующих указаний в Лаврентьевском, Ипатьевском и др. не может нас смущать, так как эти списки, хотя сами относятся к более раннему времени, сохранили однако тексты более поздней редакции, чем поздние списки Новгородской I летописи. Гораздо большее сомнение могло вызвать то, что в Синодальном списке Новгородской I летописи, более раннем, мы также не находим ни настоящей фразы, ни Русской Правды. Это однако об'ясняется тем, что автор Софийского временника, который послужил основой для Новгородской I летописи (младшего извода), в части до 1077 г. использовал более древние летописные своды, чем сам Синодальный список, которым он также пользовался. В руках автора Софийского Временника, покрайней мере, было еще два источника: Начальный летописный свод и Новгородская Владычная летопись. [15]) Из последней Софийским временником могла и быть заимствована эта фраза и текст краткой редакции Русской Правды. Одним словом исследование А. А. Шахматова приводит к тому выводу, что в Новгородском своде половины XI в. и Новгородской летописи, источнике этого свода, содержалось уже сообщение о Ярославовых грамотах. [16]) Г. Дювернуа, исследование которого служило основой наших сведений о Русской Правде до последняго времени [17]), искал указаний на характер Ярославовых грамот в сообщениях новгородских летописцев XIII в. И это едва ли справедливо: в XIII в. борьба Новгорода с князьями значительно лишила новгородского летописца об'ективности. Читая летописные рассказы об избрании князей и рядах с ними, вы чувствуете голос не бесстрастного летописца, а политического деятеля, и в прошлом искавшого оснований для

своих притязаний. Итак, А. А. Шахматов считает более древними показания тех летописных сводов, которые содержали сообщение о Ярославовой грамоте 1016 г. Самое начало Новгородского летописания и его первое развитие названным ученым ставится в зависимость от двух Ярославовых грамот. Восстанавливая текст Новгородского летописного свода 1050 г., касающийся первой грамоты, А. А. Шахматов берет [18]) его из Новгородской I летописи, где он читается под 1016 г. в следующем виде: „И дав им правду, и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите; якоже списах вам, тако же держите“. [19]) Таково сообщение Новгородской I летописи. В Софийской I, Новгородской IV и позднейших сводах, как то: Никоновском и других, мы читаем о даровании двух грамот, при чем вторая дана была в 1036 г. Под этим годом в Софийской I читается: „и людем написа грамоту, рек: по сей грамоте дадите дань“. [20]) А. А. Шахматов возводит оба эти известия к Новгородскому своду XI ст. и более древним Новгородским летописям [21]). Если это—так, то ясно, что в Новгороде в 1050 г. хорошо знали, что такое представляли из себя эти грамоты, и сколько их было. Поэтому мы должны допустить существование двух грамот, а не одной, как это делает С. М. Соловьев. [22]) Одна из грамот (поздняя), действительно, определяла финансовыя отношения, но какие, об этом речь будет впоследствии. Теперь же постараемся определить содержание первой. Из слов летописи, по нашему мнению, ясно, что этой грамотой определялся внутренний строй жизни Новгорода того времени. Последующая московская практика, опирающаяся на седую старину даже для того времени, знала такие грамоты.

Эти грамоты известны под именем „уставных грамот“. Древнейшая, из дошедших до нас, уставная грамота—Двинская, относится к XIV в. и является воспроизведением того внутренняго строя, который до нея существовал в Двинской земле, старинной Новгородской области. Великий князь Василий Димитриевич, давая эту грамоту, писал: „И мои наместницы ходят по сей моей грамоте великого князя“ [23]). В чем же, спрашивается, заключалось это „хождение“ по грамоте. Обращаясь к содержанию грамоты, мы видим, что здесь идет речь о взысканиях за разного рода преступления: третья статья определяет ответственность мира за неразысканного убийцу в виде виры в 10 рублей; четвертая—ответственность лица за нанесенную им кровавую рану; пятая—за брань и побои; шестая—за бой во время пира; седьмая за нарушение межи; восьмая определяет порядок свода; девятая устанавливает порядок выдачи правой бессудной грамоты и отдачи на поруки; десятая трактует о самосуде. Со ст. 12 по 18 определяется вознаграждение разных княжеских должностных лиц. Далее идет речь: о судебной ответственности двинян только на Двине, или перед судом самого

великого князя; о пошлинных льготах во время торговых поездок по территории Московского княжества.

Сопоставляя содержание настоящей грамоты с Русской Правдой краткой редакции, мы видим, что содержание их во многом совпадает. Это обстоятельство дает нам право определить содержание грамоты 1016 г., как грамоты судебной, про которую современник мог вполне сказать: „по сей грамоте ходите, якоже списах вам тако и держите“. В виду того, что даны были две грамоты, а вторая касалась финансовых вопросов, мы вправе предполагать, что в первой отсутствовал вопрос о „корме“ должностных лиц, но трактовался вопрос о денежных штрафах, поскольку они являлись следствием тех или иных правонарушений. Если мы теперь обратимся к первым 17 статьям краткой редакции, то увидим поразительное совпадение их с Двинской грамотой, хотя последняя заимствует свое содержание и из дальнейших статей Правды. Сопоставление известий летописи с Двинской грамотой приводит к той мысли, что Ярославова грамота 1016 г. была судебной грамотой, то есть определяла отношения между штрафами и преступлениями. Дарование такой грамоты могло иметь огромное значение для новгородцев. Ярослав дал им эту грамоту тогда, когда сам не мог более совершать суд и расправу в Новгороде, ставши великим князем Киевским. В Новгороде в это время сидел на посадничестве Константин Добрынич. Ярослав разгневался на него и сначала удалил его в ссылку, в Ростов, а затем лишил жизни [24]). Возможно, что поведение посадника, Константина, перед тем оказавшего Ярославу весьма существенную помощь в борьбе его со Святополком, вызвало неудовольствие со стороны новгородцев.

Прежде чем перейти к анализу самого памятника, мы должны несколько отвлечься от него и в самых общих чертах выяснить суть местного управления того времени. В древнейшее время формой местного управления было княжеское „полюдье“, то есть административно-судебная поездка князя с дружиной. Однако об‘единение Приднепровья и областей рек Волхова и верхней Волги под властью одного князя сделало такие поздки мало пригодными, как средство местного управления. Очень скоро на ряду с поездками князей появляются на местах княжеские должностные лица. Рюрик уже раздавал своим мужам города. Но особенно хорошо вскрывается местное управление и кормление княжеских дружинников в разсказе о Свенеледѣ, который кормился в Деревеской земле и управлял ею. Он собирал так много дани, что княжеская дружина завидовала отрокам Свенельда, так как они „изоделися суть оружьем и порты“ [25]). Отсюда мы видим, что княжеские посадники, посаженные на кормление в ту или другую область, имели при себе еще помощников в лице дружинников. Эти дружинники или принимали участие в совете посадника, или получали меньшие

области в свое управление временно, не будучи сначала связаны на более или менее продолжительное время с ними. По крайней мере в Русской Правде мы видим местного управителя в виде раз‘езжего лица, совершающего свою поездку в сопровождении двух отроков на четырех конях. Такие раз‘ездные судьи, сборщики княжеских доходов, должны были иметь известный запас сведений о том, как и в каких случаях взимать те или другие княжеские доходы, какое определять взыскание в случае того или иного преступления. В назначении размера штрафов мог очень сильно проявляться произвол. Произвол в этой области питался еще и тем, что всякий такой судья был заинтересован в количестве сбора, который частично шел в его пользу: чем больше было целое, тем больше и доля должностного лица. За время управления Ярослава в Новгороде выработался порядок отношений между новгородцами и им самим, новгородским посадником. Лишившись Ярослава, как посадника, новгородцы были заинтересованы в сохранении известных порядков, корни которых лежали в глубинах народной жизни, но окристализировались, стали однообразными и более известными только при Ярославе. Таким образом Ярославова грамота 1016 г., не будучи совершенно политическим актом, имела огромное значение для внутренней жизни Новгорода.

Если мы теперь обратимся к 17 первым статьям Русской Правды, то мы увидим, что это и ёсть именно „судная“ грамота [26]). Она охватывает преступления против жизни, чести, здоровья отдельных лиц, а также отчасти и имущества. Здесь же мы встречаем регулирование „свода“. Замечательно, что тоже самое мы встречаем и в Двинской уставной грамоте. Эта часть нашего памятника, дошла до нас, может быть, в более чистом виде.

За исключением нескольких случаев порчи текста, мы находим дополнение нашей грамоты не на почве судебно-практической деятельности последующего времени, а на почве литературно-компилятивной. Я имею в виду окончание ст. 1: „Аще будеть русин любо гридинь, любо купчина, любо ябедник, любо мечник, аще изгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положити заньˮ [27]). Это дополнение в составе первой статьи краткой редакции не имеет никакого смысла. Общее правило, изложенное впереди, настолько ясно, что не требует перечисления всех этих лиц: „Аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову“. Если мы обратимся к 1-ой ст. пространной редакции, там это перечисление имеет значение: 40-гривенному штрафу противополагается 80-гривенный за преступления против привилегированных лиц, которые тоже перечислены. Позднейший компилятор, знакомый с пространной редакцией занес и в краткую редакцию этот перечень, но не весь, а только ту его часть, которая соответствовала смыслу первой статьи краткой редакции. Итак, в первой части на-

щего памятника мы встречаемся с весьма малым количеством вставок. Это показывает, что в области тех вопросов, которые затронуты этой частью, они разрешены весьма удачно, как с точки зрения отношений между преступлением и штрафом, так с точки зрения полноты затронутых здесь правонарушений, каковые были возможны в то время.

Теперь нам предстоит остановиться еще на одном вопросе: в какой степени могла проявиться в нашем памятнике законодательная инициатива князей. Ответить на этот вопрос довольно трудно. По нашему мнению, материалом для этого могла бы служить статья первая. Статья эта формулирована так, что рамки применения кровавой мести значительно сужены: круг лиц, имеющих право мести, ограничен племянниками. В бытовых условиях ограничение круга мстителей едвали могло быть, так как сложная семья заключала в себе и более отдаленных родственников. Некоторый материал суждения о законодательной инициативе князя может дать статья тринадцатая. Здесь регулирован обычай „свода". Познавший свое у кого либо не должен оспаривать или отнимать, а должен пригласить владельца его имущества на „свод". Здесь ясна забота сохранить внутренний мир среди населения, так как упорное настаивание и желание, во что бы то ни стало, отнять ту или другую вещь способно нарушить мирное течение общественной жизни. Незначительный повод, вызвавший столкновение двух частных лиц, при известных условиях мог потрясти спокойствие целого мира. Новгородская же жизнь, кажется, всегда была подходящей почвой для массовых столкновений. В связи с этим точное указание, как должен протекать „свод", приобретало большое внутреннее значение, не только для заинтересованных лиц, но и для общества. Может ли все это быть приписано законодательной инициативе одного Ярослава? На этот вопрос придется отвѣтить отрицательно. Не все им могло быть создано, но им укреплено, то есть последовательно применялось в Новгороде, (при нем и) им записано в „грамоту", почему грамота и получила название Ярославовой. Трудно указать другого среди русских князей того времени, который бы мог оспаривать у Ярослава право считаться первым законосписателем: летописец среди достоинств Ярослава указывает и то, что он „чтяше книги", то есть он умел читать, читал книги и понимал значение „писанного". Содержание Ярославовой грамоты довольно определенно: первые статьи трактуют об ответственности за убийство, затем за членовредительство, за укрывательство чужого холопа, за пользование без спроса чужим конем, за присвоение чужого, о порядке свода, об условиях ответственности в случае, если холоп обидит свободного мужа и, наконец говорится об ответственности за порчу чужой вещи.

Нам приходится сказать здесь несколько слов о денежных штрафах, которые мы встречаем в краткой редакции Русской Правды. В нашей науке твердо установилась точка зрения о двойственном характере штрафов. Одни штрафы идут в пользу князя: „продажи“ и „виры“, другие в пользу потерпевшего „головничество“ и „за обиду“ [28]). С этой точки зрения первые 17 статей содержат только частное вознаграждение. В последующих статьях мы встречаемся уже с княжескими доходами: вирами и продажами. Такая точка зрения дала возможность проф. Гетцу определить характер первых 17 статей, как сборника, возникшего до утверждения княжеской юрисдикции на Руси [29]), а последние статьи той же краткой редакции Русской Правды считать возникшими в связи с уголовно—штрафной реформой, которая имела место при Владимире Святом, и о которой мы имеем сведения из сообщения летописи о том, что Владимир отменил „казнь“ и постановил „выкупатися“ вирами. Эта точка зрения, естественно, вызвала возражения со стороны представителей нашей науки [30]). Конечно, еслибы проф. Гетц вел речь о происхождении не письменного памятника, заключающего в себе первые 17 статей, а о нормах вознаграждения за указанные преступления, то такая точка зрения не встретила бы такого количества возражений. В последнем случае не пришлось бы искать начала писанного права в докняжеское время на Руси, когда существование самой письменности, как более или менее обще признанного факта, не может быть удостоверено. Допуская возможность возникновения отдельных правовых норм краткой редакции Русской Правды в глубокой древности, все же приходится считаться и с тем, что эти нормы дошли до наш в писанном виде, пройдя уже через горнило княжеского суда и законодательства, так как в древнее время там, где был суд, было и законодательство. Поэтому следует думать, что нормы штрафов, хотя бы даже те, которыя мы встречаем в первых 17 статьях, не могут не служить интересам князя и его чиновников. Следует здесь указать, что проф. Пресняков в своей рецензии на первые томы труда проф. Гетца, возражая г. Гетцу, высказал мысль необычную для нашей ученой литературы, а именно, что штрафы, указанные в первых 17 статьях, взимались в пользу не частных лиц, а князя [31]). Таким образом в представлении о штрафах наши ученые держатся совершенно противоположных взглядов. Переходя к обсуждению так резко расходящихся мнений, прежде всего следует указать, что той разницы, которую находит проф. Гетц между штрафами Ярославовой грамоты и Правды Ярославичей, на самом деле не существует. Из всех статей правды Ярославичей только в одной указано „вира“ и в двух „продажа“, во всех же остальных случаях упоминается вообще штраф без всяких иных указаний. Следовательно, если

думать, что в первых 17 статьях идет речь о частном вознаграждении, то и в последующих статьях, где не указано о взимании „виры“ или „продажи“, с точки зрения проф. Гетца, можно думать, что речь идет только о частном вознаграждении. Такое предположение невероятно, так как окажется, что князь получал штрафы в очень редких случаях, и за исключением одного случая, за самые пустые преступления; за кражу ладьи, охотничьей и домашней птицы. Очевидно, что такая точка зрения невозможна.

Точно также встречается с большими затруднениями и противоположное мнение. В тексте мы находим прямыя указания на то, что штрафы берутся „за обиду“. Обиженным является, конечно, не княжеский чиновник, а лицо потерпевшее. Едвали возможно предположение, что если у кого либо взят без спроса его конь, то не он стал „обиженным“ и не в его пользу следует уплатить 3 гривны. А если у кого обрежут бороду или его толкнут, то это лицо не будет обиженным и за него получит вознаграждение княжеский чиновник [32]). Если верно угадан смысл статьи первой, направленной к сокращению случаев кровавой мести, а вместе с тем к сокращению и поводов к внутренним смутам, то трудно допустить, чтобы здесь имелось ввиду только штрафы в пользу князя; какие же остались бы стимулы для того, чтобы сторона потерпевшая, в данном случае родственники убитаго, могли отказаться от мести? Очевидно, что, если хотели сократить применение кровавой мести, то вознаграждение должна была получить и потерпевшая сторона. Конечно, такое мнение не исключает возможности того, что и князь в свою позьзу взимал известное вознаграждение. Поэтому мы предполагаем, что, как в том, так и в другом случае, имелись ввиду обе стороны: князь и потерпевший, при чем это одинаково приложимо ко всему составу нашего памятника. В подтверждение этого сошлемся на практику более позднюю, которая отразилась в уставных грамотах, узаконявших, как известно, старинный обычай. В Двинской грамоте, на которую мы уже ссылались, также все время указываются штрафы, а кроме того в некоторых случаях добавлена и „вина“, то есть штраф в пользу князя. В других случаях относительно „вины“ совсем нет речи. В третьих указано, что „вины“ нет наместникам вовсе. Очевидно, что в тех случаях, где не указана вина, не значит, что княжеские наместники ничего не получают, так как последние случаи особо оговорены. Действительно, в средине этой грамоты мы встречаем общее правило, что всякий, кого присудят к рублевому штрафу, должен заплатить в пользу наместников полтину. Однако, в одном случае штрафы в пользу наместников повышены. Статья 4-ая [33]), определяющая вознаграждение потерпевшего за кровавую и синюю рану, имеет дополнение: „а вина противу того“, то есть штраф в пользу власти взыскивается в размере возна-

граждения потерпевшего. Хотя штраф, идущий в пользу должностных лиц, взыскивается в Двинской земле „в полы исцова“, однако этот штраф получил специальное название: „противня“, как бы указывая на то, что вознаграждение должностного лица равняется вознаграждению потерпевшего. Двинская грамота, как мы видели, назначает обычную „виу“ в половину вознаграждения потерпевшего, и только в одном случае уравнивает вознаграждение должностного лица с потерпевшим. Это последнее, по нашему мнению, и есть остаток седой старины, вполне соответствующий понятию: „противень“ и „противу того“. Что впоследствии стало формулироваться, то первоначально предполагалось само по себе. Поэтому и не нужно было каждый раз указывать размеры вознаграждения должностного лица. Достаточно было знать одно, чтобы другое само собой делалось ясным. Однако следует сказать несколько слов о тех случаях, когда „продажа“ указана. Таких случаев в нашем памятнике всего два: в статьях 34 и 35, при чем „продажа“ указана в двойном размере—60 резан, против вознаграждения частного лица—30. Очевидно последнее обстоятельство и послужило основанием для указания размера „продажи“, так как по общему правилу полагалось бы „продажи“ всего *30 резан.* Что же касается „виры“, упомянутой в статье 19, то, по нашему мнению, и она в себе содержала одновременно указание на размер и частного вознаграждения и вознаграждения князя, следовательно, и его чиновника.

Не буду говорить о том, что в тексте нашего памятника можно найти указания на его новгородское происхождение: данные эти приведены в трудах Эверса, Тобина, Дювернуа, Максимейко и других [34]). Считаю долгом здесь упомянуть только, что Ярославова грамота может быть поставлена в параллель с такими законодательными сборниками, как „Законы 12 таблиц“, имевшие весьма важное значение в развитии законодательств Рима: как те, так и наши грамоты, касались почти исключительно уголовных преступлений. С регулирования ответственности за наиболее грубые преступления начинается писанное законодательство, как там, так и у нас. Несмотря на такой специальный характер, эти акты не лишены некоторого политического значения, так как право делается доступным, ясным и тем стесняется произвол судьи. Это первое политическое приобретение, которое выпадает на долю обществ, стоящих на начальной стадии своего политического развития. Итак, первые 17 статей краткой редакции Русской Правды довольно хорошо сохранили текст Ярославовой грамоты. Эта грамота была первой попыткой писаного законодательства. Благодаря этому и сравнительно удачной постановке затронутых вопросов, она получила огромное значение во внутренней жизни Новгорода. Впоследствии, в разгар борьбы новгородцев за политическую свободу, для боровшихся новгород-

цев она стала основой их политических притязаний, несмотря на то, что никаких политических вопросов в ней прямо не было затронуто.

II.

Основанием для суждения о второй части нашего памятника является предисловие, которое мы читаем перед статьей 18: „Правда уставлена Русской земли, егда ся с'вокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячько, Перенег, Микифор Кыянин, Чудин Микула“[35]). Отношение наших ученых к этому предисловию было самое различное. Однако общераспространенная точка зрения, на основании этого предисловия, приписывала вторую часть нашего памятника законодательной деятельности Ярославичей. Следовательство, вторая часть с этой точки зрения составлена во второй половине XI ст., после смерти Ярослава: на княжеском с‘езде его сыновей.

Проф. В. И. Сергеевич, издавший Русскую Правду по трем спискам, в своем предисловии на основании этой приписки считает вторую часть—второй редакцией Русской Правды [36]). Такой взгляд на интересующий нас памятник едвали может быть принят, так как здесь мы встречаем вовсе не переработку или распространение первой, а скорее дополнение и отчасти видоизменение: вводятся новые правовые вопросы, старые, если трактуются, то с иной точки зрения. Одним словом, эта часть есть отдельный памятник, а не редакция. Это еще более ясно видно, если сравнить все три редакции, на которые делит списки Русской Правды проф. В. И. Сергеевич. В этом случае мы бы и ожидали, что третья редакция есть переработка второй. На самом деле мы видим, что третья в одинаковой степени использовала и первую и вторую редакции. Поэтому первые две редакции (проф. Сергеевича) есть два разные памятника, хотя и стоящие один от другого в известной зависимости; но эта зависимость такова, какая может существовать, между каким либо законодательным актом и актами, изданными в дополнение и отмену норм первого, хотя и не отменявшими его в целом.

Однако за последнее время указанное предисловие, как мы уже говорили, было заподозрено. Проф. Голубовский [37]) считает, что первоначальный текст 2-ой Правды не имел таковой надписи, а, повидимому, заключал в себе запись об отмене мести, каковую мы встречаем в пространных списках Правды: „По Ярославе же паки совокупившеся сынове его, Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати. А ино все, якоже Ярослав судил, также и сынове его уставиша“ [38]). Предполагая, что эта запись на экземпляре, которым пользовался автор первого предисловия, была значительно испорчена, и в уцелевшем отрывке ее можно было прочитать только, что был

какой-то с‘езд, самые же постановления с‘езда прочитать было нельзя благодаря порче экземпляра, переписчик остановился на том предположении, что на с‘езде Ярославичей была издана вся вторая половина краткой редакции. Таково мнение проф. Голубовского. Это же мнение в значительной степени поддержано проф. Гетцем[39]). В числе доводов проф. Гетца следует указать еще следующие соображения, приводимые им в подтверждение большей древности известия пространной редакции: 1) более правильное перечисление (в порядке старшинства) князей—участников с‘езда в пространной редакции; 2) соответствие между числом князей и числом их советников. Доводы эти вызвали критические замечания со стороны проф. Н. А. Максимейка[40]). Повторять их здесь мы не будем, но на предисловии следует остановиться: слишком важное значение имеет оно для всех последующих соображений. Точка зрения проф. Голубовского крайне шатка: переписчику краткой редакции нужно было придумывать не только характер деятельности княжеского совещания, но приписать еще четвертого советника. Последнее было делом не легким, так как он приписал имя не выдуманного им лица, а известного во времена Ярослава и его сыновей деятеля Чудина Микулы. Если предположить, что он пользовался испорченной записью, то она была настолько испорчена, что нельзя было прочесть ни начала, ни конца ее. Он приписал начало и в конце должен был приписать имя Чудина и не понял смысла самого постановления. Едвали мы в праве делать подобные предположения. Кто читал перечень князей в том порядке, как он помещен в пространной редакции, тот не мог их поместить в порядке краткой редакции, так как это означало-бы намеренное искажение последовательности старшинства. А если допустить, что текст и в этом месте был испорчен: княжеские имена приходилось восстановлять, тогда возникает вопрос, что же собственно можно было прочесть в этой записи. По нашему мнению, ясно, что соображения проф. Голубовского нельзя признать убедительными. Доводы проф. Гетца тоже не убедительны. Мы уже заметили, что кто читал правильный порядок князей, тот, естественно, и должен был переписать их правильно. Другое дело, когда писавший не имел пред собой письменной записи, и, не придавая значения старшинству князей, мог поместить их в любом порядке. Что касается соответствия числа мужей—советников числу князей—участников с‘езда, то здесь гораздо легче допустить, что имя одного из советников могло быть опущено, чем присочинено. И это тем вероятнее, что участники с‘езда за исключением одного Перенега, который упоминается в обеих редакциях, являются известными деятелями того времени, о которых мы кое-какие сведения можем почерпнуть из летописи. Следовательно, имена их придуманы быть не могли, а взяты прямо

из жизни. Прежде чем говорить о советниках князей, сделаем одно небольшое замечание по поводу цитаты из пространной редакции, которое нам впоследствии пригодится. В названной цитате говорится: „паки совокупившеся“, то есть опять собравшись. Невольно задаешься вопросом, когда же они собирались ранее того, о чем повествует отрывок из пространной редакции. Ответа на этот вопрос мы не находим в пространой редакции. Следовательно, указание на вторичное совещание князей или ошибка составителя этой заметки, или он что-то имел ввиду кроме того с'езда, о котором говорит. Если это ошибка, то автор предисловия краткой редакции ее избежал; если это указание на совещание, имевшее место до совещания об отмене мести, то таковым мог быть только тот с'езд, о котором идет речь в краткой редакции: никакого другого подобного факта мы не знаем.

Пока этот вопрос мы оставим и возвратимся к вопросу о княжеских советниках. Чудин Микула был весьма известным лицом в Киеве. Автор летописи его двором определяет местонахождение княжеского двора в старом Киеве в средине X века. Чудин является в 1072 году держателем города Вышгорода. Известен брат Чудина Тукы, который стоит на стороне князя Изяслава во время народного движения и подает последнему советы. Это событие имело место в 1068 году. Через 10 лет после этого события во время нашествия половцев был убит этот Тукы, о котором летописец снова говорит, как о брате Чудина. Среди советников Владимира Мономаха упоминается Иван Чудинович, едвали не сын упомянутого Чудина. Одним словом, Чудин был весьма известным человеком в Киеве в XI веке [41]. Его высокое положение в составе княжеской дружины делает его присутствие на княжеском с'езде не только возможным, но и необходимым. Указанные отрывки, дающие нам сведения о Чудине, общи „Повести Временных лет“ и Новгородской I младшего извода. Поэтому мы можем их возвести к Начальному летописному своду, составленному в самом конце XI столетия, когда все эти имена были еще хорошо памятны. Точно также довольно известными лицами в Киеве были и другие участники с'езда. Следует отметить также одно любопытное об'стоятельство: Никифор был киевлянином, так он назван. Двор его находился в старом городе Киеве, а сам он настолько был известным человеком, что летописец замечает: „град же бяше Киев идеже ныне Гарятин и Микифоров двор“ [42]). Коснячко был киевским воеводою во время народного волнения в 1068 г. и его двор находился на горе, в Киеве. Относительно Перенега мы совершенно ничего не знаем. Итак из четверых советников князя три были киевлянами. Всего вероятнее, что Перенег был также жителем города Киева. Таким образом соображения проф. Гетца, желавшаго видеть в этих мужах советников отдельных князей, не

соответствует действительному положению вещей. Все они жители города Киева. На с'езд каждый из них явился, не как советник одного из князей, а как лицо принадлежавшее к составу верхнего слоя дружины великого князя Киевского. Все эти соображения указывают на тот момент княжеского с'езда, когда еще дружина или верхний ее слой не порвал своей связи с центром, а местных дружин Всеволодовой и Святославовой не существовало.

Некоторое подтверждение этой мысли находим в следующем. У Татищева встречаем такое известие: „новгородцы просили Ярослава, дабы дал им грамоту, почему судить и дани давать, понеже прежде данная им неспособна; он же повелел сынам своим Изяславу и Святославу созвать людей знатных в Киев, и от киевлян, новгородцев и иных городов и сочинить закон, еже и учинили, и им грамоту дал, как судить и дани давать и, отдав, заповедал по всем градом по оной поступать непременно“ [43]). Ясно видно, что этот отрывок представляет из себя переложение какой то летописной заметки. В Академической рукописи „Истории России“ Татищева мы находим и самую выписку из летописи. Она читается так: „просиша Новгородцы да дасть им грамоту, како судити и дани давати, иже первая им неукромна; он же повеле сыновом своим Изяславу и Святославу созвати люди переднии от Киевлян, Новгородцев и иных городов, написав, даде им грамоты, како судити и дани давати, заповедав по всем градом тако судити и не преступати“ [44]). Событие это относится к 1035 году, то есть еще ко времени жизни Ярослава. Настоящее сообщение, несомненно, не может итти в сравнение по своей достоверности с данными предисловия, но показания его относительно того, что с'езд состоялся еще при жизни Ярослава весьма вероятны. Настоящее известие могло быть взято из какой либо позднейшей летописи и выписано Татищевым под 6543 годом. Постараемся разобраться в этом известии, отвергая сразу всю ту обстановку, в которой сообщается о событии. К поверке этого известия нас обязывает то обстоятельство, что нигде в другом месте мы не находим точной хронологической даты этого совещания. В связи с сообщением о совещании под названным годом, рассказывается о целом ряде событий: 1) о поездке Ярослава в Новгород, 2) о посажении там старшего сына Владимира, 3) о поставлении епископом Новгорода Луки Жидяты и 4) о названном совещании. И только под следующим годом упоминается о возвращении Ярослава в Киев. Таким образом, как бы в самом изложении мы находим указание на причину отсутствия на совещании самого Ярослава и его старшего сына Владимира. Но тут мы встречаемся, при допущении этой мысли, с двумя затруднениями: во первых, все названные сыновья Ярослава в указанное время были малолетними: Изяславу было около 11 лет, Святославу около 9, а Всеволоду только

5—6 лет; во вторых, Татищев под 6542 годом сообщает о рождении сына Вячеслава, а среди мужских представителей княжеской семьи, бывших в это время в Киеве, нет умоминания о последнем. Первое из этих затруднений может быть устранено в силу следующих соображений: участие Ярославичей на с‘езде могло быть пассивным в той же степени, как и управление Новгородом в это время старшего сына Ярослава, Владимира, которому в момент посажения его в Новгороде было всего 16 лет; следовательно, его правительственная зрелость мало чем отличалась от зрелости его братьев. Названные Ярославичи могли быть упомянуты, как участники с‘езда, только с точки зрения упоминания всех наличных представителей мужеского пола княжеской семьи. Прекрасной параллелью этому случаю являются и другие факты, известия о которых мы находим в летописи: посажение в Новгороде Владимира Святославича и правление за него его дяди, Добрыни; предводительство Святослава дружиной во время похода против Древлян, в 946 году, когда он „суну копием на Древляны и копие лете сквозь уши коневе: бе бо вельми детск“, настоящими же руководителями войска являлись Свенельд и Асмуд [45]). Остается решить вопрос: если столь ничтожна была активная роль Ярославичей на с‘езде, то почему не был упомянут Вячеслав, которому, по сообщению Татищева, было в это время около года? Ответ на этот вопрос находим в „Повести временных лет“, которая излагает события в несколько ином порядке, чем они изложены у Татищева, а именно: рождение Вячеслава относится ко времени пребывания Ярослава в Новгороде; следовательно, во время совещания Вячеслава могло еще не быть на свете. Хронология по отношению к данному времени в нашей летописной традиции весьма неустойчива: Татищев упоминает о поездке Ярослава в Новгород под 1035 годом, Никоновская летопись под 1033 г., Лаврентьевская под 1036, Софийская I под 1034, Ипатьевская под 1034 и Новгородская IV под 1036. Мы склонны принять дату Лаврентьевской и Новгородской IV: 1036 год, как время пребывания Ярослава в Новгороде. Составление дополнительного сборника, следовательно, происходило в то самое время, когда Ярослав также особой грамотой закрепил финансовые отношения между новгородцами и посадником, своим сыном Владимиром. Ввиду того, что цель этого кодекса заключалась в дополнении норм, изложенных в первой Ярославовой грамоте, он вскоре стал известен и в Новгороде, а затем нашел себе место в Новгородской летописи рядом с Ярославовой грамотой, дополнением которой он и должен служить. Теперь может быть понятно и то, почему мы в нашем предисловии имеем перечень князей, не вполне соответствующий их положению. Реальное значение названных князей на этом совещании было одинаково ничтожным; поэтому можно было

написать их имена в любом порядке, тогда как после смерти Ярослава то или другое место, занимаемое Ярославичем в составе княжеской семьи, имело большое политическое значение. И ошибка, которая возможна была в 1036 году, после 1054 года стала бы политическим притязанием, не соответствующим, быть может, значению одного из князей.

Чтобы покончить с предисловием, необходимо выяснить наше отношение к заметке, касающейся с'езда Ярославичей и сохранившейся в пространной редакции редакции. Проф. Максимейко дает этой заметке толкование обратное тому, которое ей давали г.г. Голубовский и Гетц. Он полагает, что она является позднейшей и составлена на основании того материала, который заключался в краткой редакции, то есть упоминание об отмене мести было основано на том, что во второй части, кодексе Ярославичей, было указано денежное вознаграждение за убийство огнищанина и ничего не сказано о праве его родственников мстить. Следовательно, автор заметки пространной редакции сделал как бы логический вывод из содержания второй части краткой редакции. Такова точка зрения проф. Максимейка [46]). Она нам кажется также не вполне соответствующей реальному положению вещей. Дело в том, что ни о какой отмене мести здесь нет речи, да и не могло быть. Несмотря на то, что в кодексе Ярославичей нет упоминания о праве мести, в этом праве никто не сомневался в то время. Установить принудительный выкуп только для огнищанина значило бы несправедливо лишить его родственников того права, которое принадлежало родственикам простого свободного мужа. Создавая и регламентируя статьями 1, 2 и 4 привилегированное положение для огнищанина, в смысле двойной уплаты за его убийство, было бы непоследовательно лишать его близких такого права, которое принадлежало семьям, занимавшим низшее общественное положение [47]). Говорить же о праве мести не имело смысла, так как в этом отношении нельзя было создать привилегированного положения для его родственников. Если же предположить, что отменялось вообще право мести, то такое предположение было-бы совершенно невероятным, так как об убийстве лиц, принадлежащих к другой общественной группе, неогнищан, в кодексе Ярославичей совсем нет речи. Все эти соображения приводят скорее к мысли о некотором самостоятельном значении этой заметки. Принимая во внимание такие выражения этой заметки, как „пакы", и „по Ярославе", едва ли мы не вправе допустить мысль о втором совещании Ярославичей, на котором, действительно, была запрещена месть, а во всем остальном нормы Ярославовой грамоты сохраняли прежнюю силу. Тогда иное может быть дано об'яснение несовпадению числа советников, упомянутых в качестве участников совещания 1036 г.

и совещания „по Ярославе“. Нам кажется, что об'яснать что либо в тексте древних памятников ошибками их составителей, без очевидной к тому необходимости, едвали не значит увеличивать число ошибочных представлений о нашем прошлом. Не отрицая возможности для автора некоторых логических выводов, нет все же достаточного основания предполагать, что он свои логические выводы обставлял выдуманными фактами, или искажал совершенно ясный смысл своих источников. Кроме того следует отметить, что упоминание о мести мы встречаем и в пространной редакции Русской Правды: в статье первой говорится, именно, о „мести“, а статья вторая, излагающая запрещение „мести“, есть как бы новелла. Обращаясь к статье первой пространной редакции, мы видим, что автор этой редакции соединил во едино статью первую Ярославовой грамоты и статьи первую, вторую и четвертую кодекса 1036 года, то есть из последних статей не сделал того логического вывода, о котором говорит проф. Н. А. Максимейко.

Свод 1036 г., будучи сводом действующего права, постепенно пополнялся новыми юридическими казусами. При этом разные списки этого свода пополнялись не в одинаковой степени. Так в Ростовском списке мы встречаем статью, которой нет в других списках [48]). Кроме этой статьи можно указать и другие позднейшие наслоения. К числу таких позднейших вставок относится вторая половина статьи двадцать первой, излагающая устав князя Изяслава о взыскании за убийство старого конюха у стада. Включение этой статьи в состав свода было обусловлено не столько тем, что она давала какие либо новые нормы, сколько тем, что она служила раз'яснением предыдущей статьи. В начале статьи двадцать первой речь идет об уплате за убийство „княжа тиуна“: 80 гривен. В следующей статье говорится, что за убийство сельского княжеского старосты, равно и полевого, полагается уплата в 12 гривен. Случай с дорогобужцами мог быть подведен и под ту и под другую статью. Конюший староста стоял, по своему положению, гораздо выше сельского или полевого, но он все же не был тиуном. Возникал вопрос, к какой из двух групп княжеских слуг должен быть отнесен „конюший староста“. Устав Изяслава разрешал этот вопрос в смысле причисления его к составу привилегированных княжеских слуг. В этом смысле эта статья явилась как бы толкованием предшествующей.

Первые четыре статьи кодекса Ярославичей (18—21) касались вопроса о вознаграждении за убийство огнищан и княжих тиунов, как привилегированных членов русского общества. Вопрос об убийстве свободных мужей не затрагивался в своде 1036 года, так как он был ясно формулирован в грамоте Ярослава. Затем шла речь об убийстве несвободных людей, принадлежали ли они самому

князю или даже простому смерду (ст. 22—24). После дополнительных статей об убийстве свод переходил к вопросам охраны имущества. Здесь прежде всего шла речь об уводе холопа (ст. 27 читалась впереди, а затем шли ст. 25 и 26), затем говорилось о краже скота. Это ясно из сопоставления статей 25, 26 и 27. Статья 27 формулирована полно и поэтому должна была читаться сначала, следующие за ней статьи формулированы уже более кратко, но, если следуют за статьей 27, то смысл их вполне ясен. Статья 30 охраняет княжескую борть; статьи 31 и 32 касаются мученья смерда и огнищанина. Они, очевидно, внесены в свод позднее. Статья 33 касается порчи межи и межевых споров. Со статьи 35 по 37 идет речь о краже домашней птицы и собаки. Статья 38 касается вопроса о самосуде над ворами. Статьи 39, 40 и 41 касаются имущества, находящегося вне дома: дров, сена и мелкого скота в поле. И, наконец, большая часть статьи 41 посвящена примерной разверстке княжеских доходов. Таков состав нашего кодекса.

В цитированном отрывке из академической рукописи Татищева говорится, что заповедано было „по всем градом тако судити и не преступати“. Один из списков этого свода попал вскоре и в Новгород. Здесь он получил практическое значение, так как Ярославова грамота была во многом недостаточна. Как новгородская грамота Ярослава, независимо от своего прямого назначения, получила применение в Киевской Руси, так точно и кодекс 1036 года, исходивший главным образом из судебной практики южной Руси, стал не менее важным дополнением Ярославовой грамоты в Новгороде. Здесь же он осложнился более поздними юридическими казусами, был включен в Новгородское летописание и дошел до нас, утратив скоро практическое значение ввиду появления более ценного юридического сборника, каким являлась пространная редакция Русской Правды, об'единившая содержание разных по происхождению законодательных актов и воспринявшая все последующие княжеские уставы. Благодаря единству и богатству юридического содержания, пространная редакция совершенно вытеснила предшествовавшие ей официальные акты: Ярославову грамоту и свод 1036 года, которые только на почве Новгородского летописания получили механическое об'единение, в судебной же практике XI ст. были известны, как два различные акта, дополнявшие друг друга.

III.

Третья часть нашего памятника, по моему мнению, является так же вполне самостоятельной. В ней затронут совершенно отдельный вопрос о корме, который местное население обязано давать „вирнику“. Кроме того мы имеем совершенно ясное указание, что это—акт законодательства Ярослава [5]), а помещен он вслед за прав-

дой Ярославичей. Следовательно, довольно древняя традиция смотрела на „урок Ярославль“ приблизительно также, как предполагаем и мы. Если даже предположить, что древнейшая правда принадлежала законодательной деятельности Ярослава, то все же трудно думать, что некогда этот „покон вирный“ читался непосредственно за Ярославовой правдой. Главнейшим возражением против такого предположения будет то, что совершенно необ'яснимым явился бы поступок позднейшего сводчика, разорвавшего один памятник посредством включения в его середину другого, то есть правды Ярославичей. Сводчик ясно сознавал, что эти акты совершенно отличные друг от друга и приписывал их деятельности разных лиц. Поэтому мне кажется правдоподобнее то предположение, что „Правда Ярослава“ и „Устав Ярославль“ были известны нашему компилятору отдельно. И их раздельное существование продолжалось до тех пор, пока составитель этого сборника не присоединил „Устав Ярославль“ к первым двум частям. Для такого присоединения, и именно в том месте, где читается в настоящее время наш „Устав“, были некоторые основания: во первых это был „Устав Ярославль“, а впереди он списал „Правду Ярослава“; во вторых он не мог его вписать тотчас после „Ярославовой Правды“, так как „Правда 1036 г.“ ближе подходила, по своему внутреннему содержанию, к первой части его компиляции. Окончание же „Правды Ярославичей“ дало ему повод приписать к первым двум частям и „Устав Ярославль“. так как здесь шла речь о распределении денежных штрафов между князем, церковью и княжескими должностными лицами, имевшими отношение к судебному процессу. Переписывая постановления „Правды 1036 г.“, касающиеся определения частей дохода, шедших в пользу должностных лиц князя, компилятор вспомнил и о других доходных статьях этих лиц. А эти статьи были определены „уроком Ярославлим“. И лицу, работавшему над составлением этого сборника, ничего более не оставалось, как здесь же приписать этот урок. Обратимся теперь к его содержанию. Урок этот есть покон (или поклон) вирный, то есть определение обычного приношения или корма, который местное население доставляло „вирнику“.

Нам придется сказать несколько слов о вирнике. В нашей науке довольно прочно установилось мнение, что под вирником разумеется княжеское должностное лицо, заведывавшее сбором „виры“, то есть одного из видов уголовных штрафов. Такое представление однако нам кажется не вполне исчерпывающим. Не отрицая, что сбор виры мог входить и входил в обязанности данного должностного лица, трудно утверждать, что этой одной обязанностью ограничивалась его роль. В старинной администрации мы не должны предполагать особого расчленения различных функций

в области местного управления. Факты более позднего времени (Московской и Удельной Руси), которое однако было непосредственным преемником интересующей нас эпохи, свидетельствуют о том, что областное управление развивалось не в порядке разделения функций, а в порядке раздробления территории, при чем в каждой данной местности вся полнота власти сосредоточивалась в руках наместников или волостелей. Кроме того обычное об'яснение термина „вирник" встречает значительные затруднения. Нет сомнения, что вирник собирал и другие уголовные штрафы: по крайней мере, мы ничего не знаем о „продажнике". Самое собирание уголовных штрафов в древности было тесно связано с производством суда. Не предрешая вопроса о том, насколько деятельным судьей могло являться то или другое уполномоченное князем лицо, важно отметить, что прежде чем собирать уголовные штрафы, нужно было: 1) найти преступника, 2) убедиться в его виновности, 3) определить меру взыскания. Без этих трех предварительных актов не могло быть и самых штрафов; следовательно, нечего было и собирать. Из всех возможных предположений мне кажется более правдоподобным то, что „вирник" осуществлял все эти акты одновременно. Обращаясь теперь к тексту краткой редакции Русской Правды, можно подыскать и другое об'яснение слова „вирник". До сих пор, как уже было сказано, это слово сближали со словом „вира"—уголовный штраф. В нашем памятнике встречается это же слово, но с другим значением: „А иже убиють огнищанина в разбои, или убийца не ищуть, то вирное платите, в ней же вири голова начнеть лежати" [52]). Здесь несомненно, что слово „вира" (или „вирь") употреблено в смысле известной территориальной единицы, на обязанности населения которой лежал розыск разбойников, совершивших указанное преступление. Если мы сблизим слово „вирник" со словом „вира" (или „вирь"), в его последнем значении, то получим совершенно определенное значение: лица, раз'езжающего по „вирям", как судебно-уголовным присудам. Естественно, что сбор не только виры, но и продажи и прочих доходов сосредоточивался в его руках. Прилагательное от этого слова „вирное" употреблено в приведенном нами отрывке в значении „виры", как уголовного штрафа. Это дает право предполагать, что слово—вира (или вирь) употреблялось для обозначения известного округа или присуда. То, что платила вира, называлось „вирным" или „вирой".

Обращаемся к содержанию „урока Ярославля". Содержание его состоит в исчислении тех кормов, которые вирнику обязано было платить местное население. Из „урока" ясно, что здесь идет речь не о корме в смысле доставления необходимых для существования вирника продуктов. Урок их переводит на деньги (15 кун в неделю), да кроме того определяет в пользу его и слуг „борошна, колько могуть

изъясти" [53]), то есть полное содержание самого вирника и его слуг. „Кони 4 поставити и сыпати им на конь, колко могуть зобати" [54]). Следовательно, и лошади вирника получают содержание от местного населения. Перед нами встает целая картина судебно-финансовой поездки вирника. Сам, в сопровождении слуг, на четырех лошадях отправляется он по „вирям". Слуги и подводы ему необходимы, так как он производит сбор корма натурой. Иногда заменяет натуральные сборы денежными по установленной таксе. Такая поездка „вирника" служит отзвуком старого княжеского „полюдья" и прообразом судебно-финансовых функций будущих удельных и московских кормленщиков. Как князья, отправляясь на „полюдье", творили в это время „суд и расправу", а, главным образом, собирали „дань", так и их доверенные, во время своих поездок, занимались тем же самым.

Институт „кормления" (то есть передача князьями сбора дани, производства суда и расправы своим „мужам") очень древний по своему происхождению и во всяком случае существовал на Руси гораздо ранее Ярослава. Летопись рассказывает [55]), что еще Рюрик раздавал области „мужем своим". Об Олеге знаем из той же летописи, что он, захватив Смоленск и Любечь, в каждом из них посадил „мужь свой". Владимир Святой по занятии Киева „изъбра мужи добры и смыслены и храбры, и раздая им грады" [56]). Кормленье являлось естественным последствием княжеского „полюдья". Собирая дань во всех ее видах, князь обязан был ее употреблять не только в своих личных интересах, но и в интересах своих „мужей". В случае, если князь нарушал интересы своих дружинников, то дружина отстаивала свои интересы, говоря: „князь, город мы взяли (завоевали), мы хотим и дань брать". Удовлетворить интересы дружины князь мог двояким способом: или он наделял ее из того, что собирал в „полюдье" сам, или предоставлял сбор „дани" в известной местности своим мужам. Игорь отдал Свенельду „Деревскую землю" в кормление. В летописи упоминается о Яне, сыне Вышаты, что он собирал дань [57]). Такая передача была делом естественным, так как сам князь едва ли мог посетить сколько нибудь значительное число местностей. Следовательно, некоторые местности были лишены княжеского суда. А князь терял часть своих доходов. Поэтому передача княжеских функций дружинникам была делом естественным. Нет никакого сомнения и в том, что такой „доверенный" князя, получив право сбора „дани" в известной местности, старался собирать „во всю", разоряя местное население. В этом отношении „урок Ярославль" делал крупный шаг вперед: он точно определял размер „корма", около 15 кун в неделю, и обязывал вирника покончить сбор в течение одной недели. Легко понять, какое огромное значение имело подобное определение „корма". Совер-

ченно тем же путем пошли и Московские князья много времени спустя. Итак, „урок Ярославль" это первый опыт в определении финансовых взаимоотношений между местным населением (новгородским) и княжескими „мужами". Поэтому вполне соответствующим сути дела являлся тот коментарий, который дан к этой грамоте летописцем, вложившим в уста Ярослава следующую фразу: „по сей грамоте дань дадите"[58]). В вопросе о том, что это место летописи очень древнего происхождения, сошлюсь на известную работу академика А. А. Шахматова, который приписывает эти строки автору продолжения древнейшей Новгородской летописи, составленной около 1036 года[59]). Автор, работавший над этим продолжением, должен был знать, конечно, содержание грамоты, данной Ярославом новгородцам в 1036 г., и поместил ее в свой свод.

В дальнейшем своем изложении я принужден разойтись с теми мыслями, которые были высказаны названным исследователем в его „Разысканиях". А. А. Шахматов вместе с некоторыми исследователями политической истории Новгорода желает видеть в этой грамоте акт, определяющий финансовые отношения Новгорода, как самостоятельного политического целого, к великому князю Киевскому. Подобное представление о взаимоотношении между Киевским князем и Новгородом привело проф. И. Д. Беляева к представлению об этих отношениях, как отношениях двух самостоятельных политических организаций[60]). Исходя из указанной точки зрения, А. А. Шахматов предполагает, что эта грамота определяла именно размер „дани" с Новгорода[61]), и возможно, что в это время она была понижена до 300 гривен вместо 3000 гривен, в каком размере она взималась во времена Владимира Святого. Обратимся теперь к фактам. Ярослав еще при жизни Владимира управлял Новгородом в качестве посадника. И летопись об этом рассказывает так: „Ярославу сущю Новегороде и уроком дающю Кыеву две тысяче гривен от года до года, а тысящу Новегороде гридем раздаваху; тако даяху вси князи Новгородстии, а Ярослав сего не даяше Кыеву отцу своему". В Лаврентьевском же списке читается: не „князи", а „посадници"[62]). Если принять чтение Новгородских летописей, то возникает затруднение, так как до Ярослава в Новгороде княжили только его старший брат и отец Владимир. В промежуток же между управлениями Владимира и Вышеслава Новгородом управляли Ярополковы посадники. После утверждения Ярослава на Киевском столе, в Новгороде посадником был Константин Добрынич. Итак, управление Новгородом находилось в руках посадников или сыновей великого князя, которые по уроку выплачивали известную дань Киевскому князю. Во время управления Ярослава Новгородом, не новгородцы прекратили уплату дани Владимиру, а Ярослав, против которого

ли собирался в поход Киевский князь. Поэтому мне думается, что чтение „посадници" более правильно, чем чтение „князи". „Урок" был обязателен для Ярослава, так как он являлся в Новгороде „посадником" своего отца. Одной из важных функций позднейших наместников являлся сбор финансовых повинностей, часть которых поступала в казну князя. Нарушение этого обязательства Ярославом заставило Владимира готовиться к походу на сына для того, чтобы восстановить обычный порядок отношений. Итак, если Ярослав платил дань Киеву, то есть собирал „дань" и доставлял часть ее в Киев, то в грамоте о каких либо особенных льготах по отношению к новгородцам, в смысле уменьшения количества дани, не могло быть и речи. Княжеские доходы с Новгорода шли через „посадника" и для населения важнее была другая сторона отношений: условия сбора посадниками и вирниками дани с местного населения. А в области этих отношений более всего местное население отягощалось теми сборами, которые, по преимуществу, шли самому „наместнику", то есть „кормами". А как складывались финансовые отношения между посадником и князем, это было их делом и мало касалось местного населения. Такой же характер сохраняют и „уставныя грамоты" позднейшего времени: в них определяются только сборы с местного населения. Князь и без грамоты имел достаточно средств заставить посадника заплатить то, что с него полагалось. Для населения гораздо важнее, чтобы были определены сборы с него, чем финансовые отношения между „посадником" и Киевским князем. Возникает однако вопрос о том, почему же здесь определяется только один род отношений: „кормы". На это можно ответить, что этот вид дани допускал возможность больших злоупотреблений со стороны доверенных лиц князя, чем всякий другой. Кроме того финансовые отношения местного населения в области суда были еще ранее определены Ярославовой грамотой 1016 г:. Итак, в 1036 г. был дан новгородцам (по крайней мере к этому времени приурочивается летописью этот акт) устав или урок, который имел огромное значение для местного населения. Возможно, что в это время, вместе с определением финансовых отношений населения к представителям княжеской администрации, была уменьшена сумма выплаты в казну Киевского князя со стороны Новгородских посадников до 300 гривен.

Любопытно отметить еще одну подробность. По мнению А. А. Шахматова, Новгородскому своду 1050 г. предшествовали две летописи [63]). Одна была составлена около 1017 года, а другая около 1036 г. При этом вторая являлась продолжением первой, и, следовательно, ее составитель занес на пергамент известия после 1017 г. Обращаясь к этим известиям, видим, что кроме войн и Киевских событий, здесь записаны три события из внутренней жизни Новгорода: 1) о зато-

чении новгородского посадника Константина в Ростове и его насильственной смерти в Муроме, 2) о сборе трех сот детей для книжного учения, 3) о „посажении“ в Новгороде Ярославом своего сына Владимира [64]) и о поставлении Луки епископом Новгороду. Хотя между первым и последним событиями прошло около 19 лет, но сближение их так естественно. Повидимому, между сведением Константина и посажением Владимира в Новгороде не было посадников. Сам Ярослав за это время часто бывал в Новгороде, а именно: 6529, 6532, 6538 г.г. А в 6544 г. был „посажен“ в Новгороде князь Владимир и дана грамота, определявшая финансовые отношения между новгородцами и княжеским посадником и другими должностными лицами (вирниками). Ярослав после победы над Святополком особенно благоволил к новгородцам. Поэтому становится возможным предположение, что посадник Константин был смещен в угоду новгородцам. Одной из причин могло быть неумеренное пользование доходами, как со стороны самого посадника, так и тех, кто находились в известных отношениях подчинения к нему. Принимая во внимание значительные размеры Новгородской области даже в то время, мы необходимо должны допустить, что посадник являлся доверенным администратором князя и, как таковой, был ответственен перед князем за деяния всех своих подчиненных. Здесь уместно будет вспомнить случай кормления в Деревской земле Свенельда, отроки которого „изоделися суть оружием и порты“ [65]). Разделяя со Свенельдом доходы с Деревской земли, отроки, несомненно, помогали ему вершить суд и расправу. Размеры Новгородской области заставляли отроков Новгородского посадника быть местными администраторами, хотя, возможно, и с весьма ограниченным кругом власти. После сведения Константина, в течение 19 лет, очевидно, во главе управления Новгорода стоял сам Ярослав. Время, когда снова появился посадник во главе новгородской администрации после злосчастного посадничества Константина, было моментом наиболее подходящим, чтобы окончательно особым актом урегулировать взаимоотношения между ним и его подчиненными с одной стороны и населением с другой. Указанный момент был особенно подходящими уже потому, что князь Владимир, будучи всего 16 лет, не мог быть по своему возрасту достаточною сдерживающею силою в отношении всевозможного рода вымогательств со стороны его подчиненных. Поэтому Ярослав „людям написа грамоту рек: по сей грамоте дадите дань. *А се покон вирный*“ [65]) и пр.

Нет никакого сомнения, что мы здесь имеем дело не только с подлинным текстом Ярославовой грамоты, но и с коментарием, составленным летописцем. Первым коментатором, конечно, был новгородский летописец, который первый занес эту грамоту в свой

труд. „Покон вирный“ есть та дань, которую население обязано было давать княжеской администрации и которую оно давало и до настоящей грамоты. Значение же этой грамоты состояло в том, что она определяла раз навсегда размер сборов и тем самым ограничивала произвол сборщиков.

В самой тесной связи с „вирным поконом“ стоит „покон“ или урок „мост‘ником“. Последние исполняли свою обязанность также за определенное вознаграждение. Размеры существовавшего в Новгороде моста через Волхов и устройство деревянной мостовой на новгородских улицах создали специалистов этого дела. А общественная важность этих сооружений привела, повидимому, к тому, что организация „мостовщиков“ стала в непосредственную зависимость от князя и посадника. Эта организация (возможно, артель) обязана была чинить мосты и мостовую, а население обязано было содержать ее путем известного вознаграждения—„корма“ мостовщиков.

Здесь нельзя не указать одного об‘стоятельства, отмеченного ак. А. И. Соболевским в его последней статье, посвященной Русской Правде [67]), а именно об‘яснения понятия „городници“, как одной части или звена большого моста. Такой мост мог существовать, поскольку мы знаем топографические условия древне-русских городов. только в Великом Новгороде. Читая рассказы Новгородской летописи о постройке мостов наряду с известиями о нападениях на Новгород князей, о походах новгородцев на окружающие Новгород инородческие племена, невольно чувствуешь, каким огромным общественным делом являлось „мостовое строительство“ в жизни этого города.

Чтобы покончить с вопросом о составе нашего памятника, нам предстоит еще остановиться на вопросе о том, целиком ли эта грамота Ярослава включена в наш памятник. На этот вопрос трудно дать определенный ответ. Возможно, что из „устава мост‘ником“ летописец выбрал то, что соответствовало „покону вирному“, то есть определение вознаграждения „мостовников“ и опустил то, что касалось распределения мостовой повинности между отдельными улицами Новгорода (ср. „Устав Ярослава о мостех“ в Новгородской I летописи [68]). Здесь же следует оговориться, что эта часть нашего памятника дошла до нас в значительно испорченном виде. Можно предполагать, что более правильное представление „о уроке мост‘ником“ в целом мы можем составить по тексту пространной редакции Русской Правды.

Таково, по нашему мнению, происхождение третьей и четвертой частей нашего памятника.

IV.

Не менее важным представляется об'яснить, каким образом отдельные части нашего памятника, существовавшие некогда раздельно, были соединены в одно целое. Нам кажется, что это об'единение произошло на почве уже летописи, а сводчиками являлись авторы летописных сводов. К такому предположению приводит нас то об'стоятельство, что для практических целей данная компиляция являлась неудобной. Практические задачи привели к образованию другого сборника, возникшего на почве также этих грамот: пространной редакции Русской Правды.

Исследуя вопрос о начале Новгородского летописания, А. А. Шахматов пришел к той мысли, что Ярославовы грамоты скоро вошли в состав Новгородских летописей [69]). Начало Новгородского летописания относится к 1017 г. В это время в летопись была внесена Ярославова грамота. Эта летопись была составлена первым Новгородским епископом, Иоакимом. Она рассказывала о крещении Новгорода, поставлении церквей, посажении в Новгороде сначала Вышеслава, потом Ярослава, затем подробно говорила о борьбе Ярослава со Святополком (события 1015—1016). Заканчивалась эта летопись Ярославовой грамотой.

Дальнейшим моментом в развитии Новгородского летописания было продолжение первой Новгородской летописи в 1036 г. Автор продолжения вписал в свой труд Ярославову грамоту, данную им Новгороду в 1036 г. одновременно с посажением в Новгороде сына Владимира.

В предыдущем мы пытались обосновать мысль о том, что говорить о даровании Ярославом политических вольностей или об освобождении новгородцев от уплаты денежных повинностей в пользу князя не приходится. Основанием для этого служит то, что в течении пятидесяти лет, после смерти Ярослава, Новгород управлялся посадниками Киевского князя. Следовательно, не было места ни для дарования политических вольностей, ни для освобождения от дани. Княжеские посадники вместе с более низшими должностными лицами продолжали собирать кормы и установленные денежные штрафы за разного рода преступления. Последнее вполне ясно из коментария к грамоте 1036 г., принадлежащего автору Новгородской летописи 1036 г., поместившему ее вслед за словами „по сей грамоте дадите дань", то есть те устанавливаемые сборы, которые местное население должно давать княжеским чиновникам. Не исключена возможность, что, определяя размер кормов своих должностных лиц, Ярослав зафиксировал в размере 300 гривен и ту сумму, которую Новгородский посадник должен был платить самому Ярославу.

Коментарий, данный летописцем к грамоте 1036 г., в последующем летописании изменился мало ввиду того, что сама грамота скоро выпала из этого места. Не так обстоит дело с тем вводным сообщением, которое было предпослано летописцем первой грамоте. Произошло это вследствие того, что с этим местом была связана работа последующих компиляторов. Вводные слова, предпосланные первой грамоте, читаются в дошедших до нас сводах в следующем виде:

Новгородская I:	**Софийская I:**
„И дав им правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите; якоже списах вам, такоже держите. А се есть Правда Русскаа“ [70]).	„И дав им правду и устав, списав грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списах вам“.

А. А. Шахматов восстанавливает текст этого введения в следующем виде: „и да им правду и устав списа в грамоту, тако рек им: по сей грамоте ходите; яко же списах вам, тако же держите“. Затем, говорит А. А. Шахматов, следовал текст грамоты [71]).

Слов же: „А се есть Правда русская“ в древнейшей Новгородской летописи не могло читаться. Не читалось, по нашему мнению, слово „правду“ и в первом случае. Последнее же слово вставлено в связи со словами: „А се есть Правда русскаа“. Таким образом вводные слова в древнейшей летописи читались в следующем виде: „и да им устав, списа в грамоту, так рек им: по сей грамоте ходите“ и пр. Здесь вслед за этими словами начинались прямо нормы Ярославовой грамоты, при чем вводные слова самой грамоты: „Се аз Ярослав“ и пр. были выпущены в виду того, что летописец их использовал в своем коментарии, и сохранение их перед статьями являлось совершенно ненужным и, со стороны стиля, даже излишним. Поэтому мы предполагаем, что чтение этого места в древнейшей летописи было таково: „и да им устав, списа в грамоту, тако рек им: по сей грамоте ходите; якоже списах вам, такоже держите: убиеть муж мужа“ и проч...

Теперь нам предстоит несколько уклониться в сторону и остановиться на одном соображении А. А. Шахматова. Мы уже говорили, что А. А. Шахматов считает, что за указанной фразой следовала грамота, содержащая политические льготы Новгороду. Посильно мы возражали против такого соображения, а теперь хотим остановиться на другом мнении названного ученого, высказанном им по поводу включения в летопись текста Русской Правды. А. А. Шахматов полагает, что текст Русской Правды впервые в летопись

был внесен составителем обще-русского свода 1423 г., отсюда перешел в Новгородский свод 1448 г. и позднейшие новгородские своды [72]). С таким мнением согласиться трудно. Текст Русской Правды (краткой редакции), как он читается в Новгородской первой летописи младшего извода, едвали мог быть известен в XV ст. из какого либо сборника кроме летописи: по крайней мере все сборники нелетописного характера, дошедшие до нас, заключают в себе текст пространной редакции. Денежный счет, сохранившийся в краткой редакции Русской Правды, не оставляет сомнения, что памятник этот принадлежит ко времени не позднее начала XII в., и всего вероятнее к XI ст. В XII в. создалась пространная редакция, содержащая более позднюю монетную систему. Ввиду того, что краткая редакция дошла до нас только в летописи, мы едвали в праве предполагать, что какие либо сборники нелетописного характера эту редакцию сохранили до XV в. В XV ст., если бы пришлось вставлять Русскую Правду на место Ярославовых грамот, то вставили бы обязательно пространную редакцию, так как последняя редакция в XV ст. была хорошо известна из „Кормчих книг“ и была более совершенна по своему составу. Действительно, мы имеем в Софийской первой на месте краткой редакции текст пространной. Очевидно, что сводчик, заменивший краткую редакцию пространной, сделал это ввиду ее достоинств по сравнению с краткой. Настоящие соображения заставляют искать, по нашему мнению, иного решения вопроса, чем то, которое предложено А. А. Шахматовым.

После этого небольшого отступления возвратимся к оставленному нами изложению хода Новгородского летописания и на основе его постараемся выяснить, каким образом в составе летописного свода (Новгородской I младшего извода) создалась компиляция, известная под именем Русской Правды краткой редакции. Итак, мы оставили Новгородское летописание в тот момент, когда в нем читались уже обе грамоты, данные Ярославом Новгороду. Последующим приступом к летописанию в Новгороде была та работа, в результате которой появился свод 1050 года. Свод этот, по словам А. А. Шахматова, составлен был по распоряжению Новгородского епископа Луки и князя Владимира [73]). Составитель свода использовал в сильной степени древнейший Киевский свод 1039 г. Нельзя сомневаться, что в 1050 г. стала в Новгороде известна и „правда“ Ярославичей, составленная в 1036 г. в Киеве в отсутствие князя Ярослава, но не без его инициативы. Если же мы припомним то обстоятельство, что названная „правда“ составлена, как дополнение к Ярославовой грамоте 1016 г., то мы должны будем допустить мысль о том, что она ранее 1050 г. стала известна и в Новгороде. Это тем более вероятно, что и Ярославова грамота 1016 г. в свою очередь получила распространение и признание в Киевской Руси,

что видно из того, что правда 1036 г. издается в дополнение к этой грамоте. Повидимому, составителем Новгородского свода 1050 г. правда 1036 г. была занесена в летописный текст. Как дополнение к Ярославовой грамоте, она была пемещена вслед за ней с указанием на обстоятельства, при которых она составлена. Первоначальный вид этого места Новгородского свода сохранился в списках Новгородской первой летописи младшего извода: Академическом и Толстовском. Здесь вслед за текстом Ярославовой грамоты читается на поле: „Зри", а затем идет предисловие, излагающее обстоятельства составления правды 1036 г. Но и в этих списках следует считать текст достаточно испорченным последующими компиляторами. Мы уже говорили, что перед Ярославовой грамотой в Новгородской первой читается такая фраза: „А се есть Правда русская". За этой фразой следует текст Ярославовой грамоты, а перед ней находятся слова: „по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите". Естественно было бы ожидать, что вслед за последней фразой должно следовать пояснение, как ходить и что держать. А здесь мы встречаем совершенно логически ненужную фразу. Поэтому мы полагаем, что появление фразы: „А се есть Правда русская" в настоящем месте есть дело позднейшего компилятора, утратившего представление о Ярославовой грамоте в ее первоначальном виде. Однако эта фраза не была им выдумана, а была им перенесена сюда из средины. Первоначально же она читалась вслед за словом „зри" и написана была автором свода 1050 г. Он переписал текст Ярославовой грамоты и, решив включить непосредственно за ней „правду 1036 г." вписал такое предисловие: „Зри. А се есть Правда русская. Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микифор Кыянин, Чудин Микула" и пр... В таком контексте эта фраза имела смысл и служила отличием „Правды Русской" от Ярославовой грамоты. Здесь же мы встречаем и пояснение, почему автор следующий памятник назвал „Русской Правдой": „Правда уставлена Русс. земли", то есть не только Новгороду, но и всей русской земле или, может быть, главным образом для Киевской Руси, которая в представлении Новгородцев XI в. была Русью или Русской землей. Автор Новгородского свода 1050 г. мог вполне достоверно изложить обстоятельства, при которых составлена Правда. Частые сношения Новгорода с Киевом, сравнительно незначительный промежуток времени, прошедший между изданием правды и составлением Новгородского свода, все это давало возможность иметь в Новгороде достоверные сведения о том, при каких обстоятельствах появилась на свет Правда 1036 г.

Теперь нам придется опять отвлечься от хода Новгородского летописания и остановиться на вопросе о том, в каком виде была

включена „Правда 1036 г.“ в свод 1050 г. При анализе названного памятника мы указывали, что он дошел до нас в Новгородской первой не в своем первоначальном виде, но вкючил в себя целый ряд позднейших вставок. На поставленный вопрос придется ответить, что 14 лет были достаточным временем для того, чтобы появились в составе его некоторые „новеллы“. Однако одна новелла возбуждает некоторое сомнение. Это та статья, в которой говорится, что Изяслав приравнял конюшего старосту к княжескому тиуну и постановил взыскать с дорогобужцев 80 гривен за убийство указанного княжеского слуги [74]). Это дополнение могло попасть в наш текст в последующее уже время. В 1054 г. умер великий князь Ярослав. Великим князем Киевским стал Изяслав, а Новгородским посадником его сын. Нет ничего невозможного в том пред положении, что вставка эта сделана была во время уже княжения Изяслава. Да и вообще в течении некоторого времени текст Правды 1036 г. мог пополняться и после занесения его в летопись. При этом считаю нужным отметить одну весьма интересную подробность. Все последующие судебные определения (нормы) вносятся в текст не Ярославовой грамоты, а в текст Правды 1036 г. Это свидетельствует о той цели, которую преследовала „Правда 1036 г.“, являясь сама дополнением и воспринимая в себя все последующие добавления. Поэтому текст Ярославовой грамоты 1016 г. сохранился в более первоначальном виде.

Следующим знаменательным явлением в истории Новгородского летописания был свод 1167 г., так называемый Архиепископский свод. Свод этот был составлен по поводу весьма важного момента в церковно-политической жизни Великого Новгорода: Новгородский владыка был возведен в звание архиепископа и поэтому нужно было составить более обработанный летописный памятник, чем тот, который имелся при Новгородской кафедре [75]). А. А. Шахматов полагает, что Ярославовы грамоты читались и в этом своде [76]). Такое предположение вполне естественно. При этом сводчик 1167 г. много легче отнесся к Ярославовым грамотам, чем его предшественники. Это об‘яснялось тем, что в 1167 г. Ярославова судебная грамота, Правда 1036 г. и финансовый Устав Ярославов, в их первоначальном виде, утратили свое значение.

К этому времени стал более известным тот распространенный и дополненный свод, который называется пространной редакцией Русской Правды. Важным моментом в расширении писанного права была законодательная деятельность Владимира Мономаха, зафиксированная пространной Правдой. Следовательно, пространная редакция появляется в своем первоначальном виде около первой четверти XII в. Это предположение подтверждается и соображениями г. Дювернуа, который считает, что пространная редакция создалась

в течение XII в. [78]) Но она едвали могла создаться за 30 последних лет этого столетия. Следовательно, уже к 1167 г. существовала, хотя, может быть, в более сокращенном виде пространная редакция. Она включила между прочим и нормы законодательства Владимира Мономаха. Все это приводит к той мысли, что для автора свода 1167 г. грамота Ярослава и Правда 1036 г. были уже до известной степени историческими и, может быть, не удовлетворяли его. Составляя свой свод на основе свода 1050 г., сводчик, работавший в 1167 г., проделал некоторую работу и в том месте, где под 1016 г. он прочитал Ярославову грамоту и Правду 1036 г. Прежде всего ему было известно, что компиляция, заключающая в себе пространную рееакцию, называлась уже Русской Правдой... Смущенный тем, что заголовок находится в середине, он всю эту фразу из предисловия к Правде 1036 г. перенес к началу Ярославовой грамоты, и получилась та конструкция, которую мы имеем теперь в Новгородской первой. Затем он из пространной редакции знал иную формулировку статьи I-ой. Текстом статьи I-ой пространной редакции он подновил текст I-ой статьи Ярославовой грамоты, оставаясь однако в пределах того штрафа, который назначала указанная статья Ярославовой грамоты.

Текст Ярославовой грамоты (предположительно).	Текст пространной редакции.	Текст краткой редакции (св. 1167 г.).
Убьеть мужь мужа: то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову“ [78]).	Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положите за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русин или гридь любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гр. положити зань [79]).	Убьеть мужь мужа: то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гр. за голову: аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябедник, любо мечьник, аще изгой будсть, любо словенин, то 40 гр. положити зань [80]).

Из сравнения этих трех отрывков мы видим, что окончание ст. I-ой так близко между пространной редакцией и редакцией 1167 г., что необходимо допустить заимствование.

В пространной редакции такое дополнение имеет свой смысл, так как здесь противополагаются указанные лица другим, за убийство которых (тоже перечисленных) взимается 80 гривен. Этого совершенно нельзя сказать относительно текста 1167 г., так как речь здесь идет об одном размере штрафов: 40 гривен; а предыдущая фраза формулирована настолько ясно, что коментарий оказался ненужным и даже искажающим смысл. При чтении ст. I-ой Русской Правды в Новгородской I-ой младшего извода невольно возникает мысль, что за кого то взимается какой то другой штраф, чего совершенно не видно из текста краткой редакции. Эти соображения заставляют предполагать, что коментарий дан под влиянием текста пространной редакции.

Влияние пространной редакции на автора свода 1167 г. сказалось еще в одном месте. В составе пространной редакции мы находим нормы „корма“ вирников и мостовщиков. В грамоте Ярослава 1016 г. и Правде 1036 г. этих уроков не было. Они читались в другом месте летописи под 1036 г. Сводчик 1167 г. решил соединить финансовый распорядок с судебным, как это было в пространной редакции. Не желая разрывать текста, находившегося в своде 1050 г., или под влиянием окончания Правды 1036 г., где идет речь о распределении судебных пошлин между князем, церковью и княжескими чиновниками, он присоединил выборки из Ярославовой грамоты 1036 г. к концу Правды 1036 г., Таким образом и появился тот состав текста, который известен под названием краткой редакции Русской Правды. В летописном же тексте под 1036 г. сохранилось лишь одно предисловие, самая же грамота была опущена ввиду того, что главное содержание грамоты перешло в другое место. Наконец, выпала и самая фраза, как не имеющая смысла.

Дальнейшая судьба нашего памятника предположительно может быть намечена в следующем виде. Текст краткой редакции перешел из свода 1167 г. в Софийский временник, так как последний в числе своих источников имел: Начальный летописный свод, протограф Синодального списка, Владычнюю летопись, а в ее основе лежал Архиепископский свод 1167 г. Отсюда наш памятник попал в Новгородскую первую младшего извода [81]). С другой стороны частично свод 1167 г. был использован Обще-русским сводом 1423 г., при чем текст Правды краткой редакции был опущен. Отсюда указанное место перешло в Новгородский свод 1448 г. В таком виде сообщение было сохранено в Новгородской четвертой, а Софийская первая исправила в этом месте текст Обще-русского свода 1423 г. путем включения в летопись Русской Правды пространной редакции вместе с другими правовыми памятниками, составлявшими с Русской Правдой один сборник.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ.

[1]) Новгородская первая летопись, изд. Археографической Коммиссии, Спб. 1888 г. стр. 84.

[2]) Представителями первого взгляда являются: Татищев, Карамзин, Эверс, Тобин, Ланге, Мрочек-Дроздовский, Шершеневич и др. Второго взгляда держатся: Дювернуа, Сергеевич, Дьяконов и др.

[3]) В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, М. 1904 г., стр. 247 и сл.

[4]) L. K. Goetz, Das Russiche Recht, B. I, Stg. 1910; B. II, 1911; B. III, 1912; B. IV, 1913; Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I (краткая редакция). Х. 1914 г.

[5]) В. И. Сергеевич, Русская Правда в четырех редакциях. Спб. 1904 г.

[6]) Указ. соч. Goetz'a B.B. I, II и указ. соч. Н. А. Максимейко.

[7]) А. А. Шахматов: Разыскания о древнейших летописных сводах. Спб. 1908. О начальном летописном своде, М. 1897 г. и др.

[8]) И. Д. Беляев, Рассказы из русской истории. М. 1866 г., кн. 2, стр. 214.

[9]) Указ. соч., стр. 215.

[10]) С. М. Соловьев, Об отношениях Новгорода к великим князьям. М. 1846 г., стр. 29—33.

[11]) Н. И. Костомаров, Северно-русские народоправства (Соб. соч., кн. III. Спб 1904), стр. 42.

[12]) С. М. Соловьев, назв. соч., стр 33.

[13]) Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, изд. Археографической Коммиссии. Спб. 1910 г., стр. 266.

[14]) Бр. Розенкампф, Обозрение Кормчей Книги. Спб. 1829 г., стр. 221 и сл.

[15]) А. А. Шахматов, Разыскания, стр. 193.

[16]) Указ. соч., стр. 506—509.

[17]) Дювернуа, Источники права и суд в древней России. М. 1869 г., стр. 56 и сл.

[18]) Указ. соч. А. А. Шахматова, стр. 620. Автор исправляет текст Новгородской I (младшего извода) по Софийской I.

[19]) Новгородская I, указ. изд., стр. 84.

[20]) Полн. собр. русс. летописей, т. V, стр. 136.

[21]) Указ. соч. А. А. Шахматова, стр. 509, 510.

[22]) С. М. Соловьев, указ. соч., стр. 33.

[23]) Л. Сомов, Опыт систематического изложения материала уставных грамот. Киев, 1914 г., стр. 37, ст. 2.

[24]) Новгородская IV (Пол. собр. русских летописей, т. IV, ч. 1. Спб. 1915 г. стр. 110)

[25]) Повесть временных лет, указ. изд. стр. 53.

[26]) В дальнейшем будем цитировать текст Русской Правды по Христоматии М. Ф. Владимирского-Буданова, вып. I. Киев, 1899 г.

[27]) Указ. изд., стр 24, ст. 1.

[28]) М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории рус. права. Киев, изд. 4-е 1905 г., стр. 336—337.

[29]) Goetz, o. c., B. I, S. 174—183.

[30]) См. рецензии: М. Ф. Владимирского-Буданова (Киевские Университетские Известия, 1912 г., № 10), М. А. Дьяконова (Известия отд. русс. языка и словесности Академии Наук. 1911 г., кн. 1, т. XVI) и др.

[31]) А Е. Пресняков, Рецензия. Ж. М. Н. П. 1912 г., ноябрь.

[32]) Указ. Христоматия, вып. I, стр. 26 и 27, ст.: 7, 9 и др.

[33]) Л. Сомов, указ. изд., стр. 37.

[34]) Н. А. Максимейко, назв. соч, стр. 1—32.

[35]) Указ. вып. Христоматии, стр. 30.

36) В. И. Сергеевич, указ. изд., стр. XIII.

37) Проф. Голубовский, Критико-библиографический обзор трудов по древнейшему периоду русской истории (Киевские Унив. Известия. 1907 г., № 8, стр. 60 и следующие).

38) Указ. вып. Христоматии, стр. 37.

39) Goetz, o. c., B. II, S. 4—6, 250—252; B. III, S. 21—24.

40) Указ. изд., стр. 72 и следующие.

41) Новгородская I, стр.: 9, 101, 112.

42) Повесть врем. лет, указ. изд., стр. 54.

43) Татищев, Российская История, т. II, стр. 105.

44) Сенигов, Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской Истории В. Н. Татищева. М. 1888 г., стр. 395.

45) Указ. изд. Новгородской I, стр. 12.

46) Н. А. Максимейко, назв. соч., стр. 77, прим. 1.

47) В. И. Сергеевич, указ. изд., стр. 4, статьи: 1, 2, 4 и 5.

48) Назв. изд., стр. 6, ст. 20.

49) В. И. Сергеевич, указ. изд., стр. 6, ст. 20.

50) Цитирую по Христоматии Владимирского-Буданова, вып. I, стр. 30—34.

51) Указ. выпуск Христоматии, стр. 34, ст. 42.

52) См. В. И. Сергеевич, Русская Правда, таблица I (Фототипический снимок). В списках Археографическом, Румянцовском, Эрмитажном и Погодинском на указанном месте читается слово: „верней" или „верной". Чтение „вири" имеем, кроме Академического списка, еще в Толстовском. Н. В. Калачев передает это место рукописи в следующем виде: „ви. р. и" (Предварительные юридические сведения для полного об'яснения Русской правды. вып. I, изд. 2, Спб. 1880 г. стр. 186). Владимирский-Буданов предлагает читать: „верви". (Христоматия, вып. I, стр. 31, прим. 4). Судя по снимку, помещенному в издании В. И. Сергеевича с Академической рукописи скорее всего следует допустить, что писец сначала написал слово: „вирний" и затем исправил на слово: „вири". Это исправление сделано им следующим образом: три средние буквы были вычищены, и вместо них вписана буква „р". Таким образом исправляя, писец сознательно написал вместо „вирний", „вира". Поэтому мы склонны считать более правильным чтение Академического и Толстовского списков.

53) Указ. Христоматия, вып. I, стр. 34, ст. 42.

54) В. И. Сергеевич, указ. изд., стр. 6, ст. 24.

55) Повесть временных лет, указ. изд., стр. 16.

56) Там же, стр. 77.

57) Новгородская I, указ. изд., стр. 105.

58) Новгородская IV (Полн. собр. рус. лет., т. IV), стр. 114.

59) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 509—514.

60) И. Д. Беляев, Рассказы из русской истории, стр. 214—215.

61) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 513.

62) Новгородская I, указ. изд., стр. 75 и Повесть временных лет, указ. изд., стр. 127.

63) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 504, 509 и 510.

64) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 509, 510.

65) Новгородская I, указ. изд., стр. 8. Курсивом набрана фраза, следовавшая, по нашему предположению, за вводными словами.

66) Новгородская IV (Полн. собр. рус. лет., т. IV), стр. 114.

67) А. И. Соболевский, О происхождении краткой редакции Русской Правды (Сборник в честь П. А. Уваровой), М. 1916 г.

68) Новгородская I, указ. изд., стр. 487—488.

69) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 507, 508 и 513.

[70]) Новгородская I, указ. изд., стр. 84.

[71]) Софийская I (Полн. собр. русск. лет. т., V), стр. 134 и А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 620.

[72]) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 508, прим. 1 и др.

[73]) Там же, стр. 515.

[74]) М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. I, стр. 31, ст. 21.

[75]) А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 379.

[76]) Там же, стр. 508, прим. 1.

[77]) Дювернуа, Источники права и суд в древ. России. М. 1869 г., стр. 51—53.

[78]) Восстанавливается предположительно.

[79]) В. И. Сергеевич, Русская Правда, Спб. 1904, стр. 8, ст. 1, 2 и 3.

[80]) М. Ф. Владимирский-Буданов, Христоматия, вып. I, стр. 23, ст. 1. При полном тожестве между пространной редакцией и краткой в ст. 1 (в известной части статьи 1), мы встречаемся с одним разночтением: термин краткой редакции „ябедник“ заменен в пространной термином „тиун бояреск“. Слово „ябедник“ обозначает публичного обвинителя. (Христоматия Владимирского-Буданова, стр. 24, прим. 4). Толкование названного слова не вызывает сомнений. Гораздо труднее решить вопрос о том, когда и почему один термин заменен другим при полном тожестве в остальном указанных мест. Н. А. Максимейко видит в „ябеднике“ специально новгородский термин, ссылаясь на рассказ Новгородской летописи под 1218 годом, где „ябедники“ упомянуты в качестве должностных лиц. Если мы обратимся к „Материалам для словаря древне-русского языка“ Срезневского, то там найдем указание на рассказ о „ябедниках“ в Новгородской IV, под 1407 годом. Кроме того там-же встречаем указание на весьма ценное упоминание „ябедников“ в грамоте в кн. Василия Ивановича, относящееся к 1530 году. Оффициальный характер „ябедников“ во втором случае особенно хорошо подчеркнут. Вместе с приставами новгородских наместников должны ездить и „ябедники“ новгородские. Итак, ябедники сохранились в Новгороде до XVI века. Отсюда мы можем сделать заключение, что термин „ябедник“, в смысле названия должностного лица, существовал в Новгороде: с древнейших времен он сохранился до XVI века. Если верно наше предположение о включении перечня лица в ст. 1 краткой редакции под влиянием ст. 1 пространной редакции, то необходимо допустить: 1) что произведена замена слов „тиун бояреск“ словом „ябедник“, а не наоборот; 2) что эта замена произведена в тот момент, когда был включен в ст. 1 краткой редакции весь перечень лиц. Мы предположили, что распространение указанной статьи произошло в связи с работой компилятора, работавшего над сводом 1167 года. Следовательно, в это время в Новгороде словом „ябедники“ назывались те должностные лица, которые в Киевской Руси (а м. б и в остальной) известны были под именем „тиунов боярских“. Из позднейшей московской практики мы знаем, что наместничьи тиуны принимали участие в наместничьем управлении. Поэтому предположение, что тиуны боярские имели публичные функции уже в XI веке, является весьма вероятным. Всего скорее следует допустить, что, как „боярские тиуны“, так и „ябедники“ вообще принимали участие в местном суде и управлении. И только впоследствии их функции определились, как общественных обвинителей. (Ср. Мрочек-Дроздовский, О древне-русских ябедниках (Чтения М. О. И. и Д. Р. 1884 г., кн. I, стр. 50); А. Пресняков, Княжое право в древней Руси. Спб. 1909 г., стр. 272; Goetz, Das russische Recht. B. III; Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды. X. 1914 г.).

[81]) Софийский временник, главный источник Новгородской I младшего извода, заимствовал свое содержание в пределах между 6524—6560 годами из протографа Синодального списка, т. к. Начальный летописной свод, имевшийся в руках автора Софийского временника, в этом месте был дефектен: утратил рас-

сказ о событиях, относящихся к указанному времени. Такова точка зрения А. А. Шахматова (Разыскания, стр. 9 и 10). Обращаясь к тексту Новгородской I младшего извода, мы видим, что последняя использовала не только протограф Синодального списка, но еще и другие источники. А. А. Шахматов полагает, что названная летопись воспользовалась данными Новгородского свода 1448 года Однако и этим не исчерпываются разночтения между Новгородской I младшего извода и Синодальным списком. Такие разночтения мы встречаем в рассказах о событиях: 6524, 6552, 6553, 6555, 6557, 6558, 6560 годов. Часть разночтений между Синодальным списком и Новгородской I младшего извода безусловно может быть возведена к Новгородскому своду 1448 года. Сюда должны быть отнесены места, общие Софийской I и Новгородской IV, как сохранившим в более или менее чистом виде текст свода 1448 года. Наряду с такими рассказами мы встречаем сообщения Новгородской I младшего извода, которые, без сомнения, восходят к какому-то другому источнику. Сюда должны быть отнесены рассказы о событиях: 6524, 6555, 6557, 6558, 6560 годов. Под 6524 годом имеем, по сравнению с Софийской I, лишнее сообщение о даровании Ярославом новгородцам грамоты. Соответствующее сообщение в Софийской I отнесено к 6527 году. Кроме того под этим годом читается текст краткой редакции Русской Правды. Под 6555 г. Новгородская I младшего извода дополняет сообщения других летописей важным сообщением о возвращении Казимиром русского полона. Под 6557 годом в сообщении о построении церкви Бориса и Глеба встречаем некоторое дополнение: определяя место построения названной церкви, летопись отмечает, что она стоит над Волховом. Соответствующего указания нет в Софийской I. В сообщении об освящении церкви св. Софии под 6558 годом в Новгородской I говорится, что она была освящена „повелением князя Ярослава и сына его Владимира и архиепископа Луки". Софийская I говорит только о повелении Ярослава. В рассказе о смерти Владимира Ярославича под 6560 годом Софийская I называет его великим князем, тогда как он не был им. Новгородская I избежала этой ошибки, хотя и дополнила текст протографа Синодального списка статьей, сходной с Софийской I. Все указанные разночтения показывают, что Софийский временник, легший в основу Новгородской I младшего извода, использовал в указанных местах не только протограф Синодального списка, но и еще какой то источник. Таким источником по отношению к более поздним событиям была, по мнению А. А. Шахматова, Владычняя летопись. Всего естественнее предположить, что автор Софийского временника пользовался ею и при редактировании статей, относящихся к древнему времени. Поэтому между сообщениями протографа Синодального списка, Софийского временника и Новгородской I младшего извода получились разногласия в рассказах об указанных событиях. В отношении рассказа о даровании Ярославом грамот Новгороду мы имеем два варианта летописной традиции. Один представлен Новгородским сводом 1448 года и заимствован из Общерусского свода 1423 года. Другой вариант находим в Новгородской I младшего извода. Последний вариант, следовательно, восходит к Софийскому временнику. Разница между вариантами состоит в том, что первый вариант сообщает о двух грамотах, но тексты самых грамот отсутствуют в сообщениях. Во втором говорится об одной грамоте, и за эту грамоту выдается краткая редакция Русской Правды. Всего вероятнее предположение, что первый вариант создался при составлении Общерусского свода 1423 года, автор которого выпустил краткую редакцию, так как ему была известна другая редакция этого памятника (пространная), вводные же слова давали совершенно ясное представление о самой грамоте, которая за ними следовала. Софийская I в этом месте включила целый сборник правовых памятников, содержащий и Русскую Правду в ее пространной редакции. Подобное редактирование статьи о первой грамоте находило образец в редакции статьи (1036), где говорилось о второй грамоте: вводные

слова были сохранены, а самая грамота опущена за использованием ее содержания в другом месте автором свода 1167 года. Иначе поступил автор Софийского временника. Он опустил сообщение о второй грамоте: или ввиду отсутствия самой грамоты или из-за дефектности своего оригинала. Что же касается сообщения о первой грамоте Ярослава, то он его целиком перенес из Владычней летописи в свой свод. Во Владычней летописи и предшествовавшем ей своде 1167 года, как мы предположили, на месте первой Ярославовой грамоты читалась уже компиляция, тожественная с краткой редакцией Русской Правды. Отсюда весь состав статьи 6524 года перешел в Новгородскую I младшего извода. Таким образом редакция, данная статье 6524 года автором Новгородского свода XII века, дошла до нас в Новгородской I младшего извода. Ср. А. А. Шахматов: Разыскания, стр. 216, прим. 1 и стр. 508, прим. 1 и Повесть временных лет, т. I. Пгд. 1916, стр. XLIX.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Страницы	Строки сверху	Напечатано:	Следует читать:
6(386)	38	в связи	связь
10(390)	10	исключалос	исключалось
— —	11	указиние	указание
12(392)	33	поздки	поездки
— —	38	Свенеледѣ	Свенельде
13(339)	32	гридинь	гридин
14(394)	16	суждения	для суждения
15(395)	9	проф. Гетцу;	проф. Гетцу
— —	27	наш	нас
16(396)	19	имелось	имелись
(398)	6	о уставлена	уставлена
17 —	6	„вну“	„вину“
18(399)	1	с'езд. Самыя	с'езд, самые
— —	2	экземпляра. Переписчик	экземпляра, переписчик
19 —	11	Следовательство	Следовательно
— —	14	правеу	Правду
— —	21	на редакция.	не редакция.
(403)	13	об отмени	об отмене
(404)	13	первою	первую
(405)	40	о кроме	о корме
27(407)	3	преемником	приемником
33 413)	6	об'стоятельство	обстоятельство

Цифры вне скобок указывают страницы отдельных оттисков, а цифры в скобках страницы „Известий“.

Оттиски из вып. 4 т. XXX „Известий О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете“.